

Игорь Фесуненко

БРАЗИЛИЯ

Футбольный карнавал

Игорь Сергеевич Фесуненко Бразилия. Футбольный карнавал

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7068570

Игорь Фесуненко. Бразилия. Футбольный карнавал: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73510-5

Аннотация

Нет другой игры, которой были бы так преданы люди самых разных стран. Но нет такой страны, в которой люди были бы так преданы футболу, как Бразилия. Футбол для бразильцев – это сама жизнь, наверно, даже немножечко больше, чем жизнь. И нет в России эксперта, который бы разбирался в бразильском футболе лучше Игоря Фесуненко – мэтра отечественной журналистики, беззаветно влюбленного в футбол и в Бразилию.

Книга, которую вы держите в руках, – пропуск в неповторимый мир бразильского футбола, яркая панорама его развития от первых робких шагов до ярчайших побед. Ее герои – футболисты и тренеры, скромные массажисты и звезды мирового уровня, футбольные воротилы и спортивные журналисты, арбитры и буйная торсида. Но главным ее героем является, конечно, Его Величество Футбол, служить которому почитал за честь сам великий Король – Пеле.

Содержание

История, которая жива. Вместо введения	4
Глава 1. Торсида	5
Драма на улице Мигель Лемос	5
«Вывихнуть» или «страдать»?	8
«Мы умираем чаще...»	9
«Матч пяти смертей»	10
Это начиналось так...	12
С ножом и пистолетом	14
Веслами по головам	16
Баллон над городами магия футболки	20
Он был готов умереть	22
Первая шаранга	23
«Fiel» означает «преданная»	25
Элиза и Бенедито	28
Не то, что нынешнее племя	29
«Ястребы» и «Мушкетеры» под грохот «батарей»	33
Время болеть и время умирать	36
Глава 2. Клуб	39
Предварительные замечания	39
Кого возят по железной дороге?	42
Только по-английски...	43
Да, были люди в наше время	45
Восемьдесят восьмой «Фла» – «Флу»	48
Вверх по лестнице, ведущей вниз	54
Нет повести печальнее на свете...	55
Ренато из Рио-Гранде	56
318-й «Фла» – «Флу»	57
Кто ими командует	59
На краю пропасти	61
Скандал в благородном семействе	63
Порок наказан, добродетель торжествует	64
Глава 3. Профессия – тренер	68
Нет пророка в своем отечестве...	68
Я по свету немало хаживал...	70
Первый блин, который комом...	72
И дым отечества нам сладок и приятен...	74
...Многие рыдали, как дети	75
Хорошо темперированный клавир	77
Инженеры человеческих душ	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Игорь Фесуненко

Бразилия. Футбольный карнавал

История, которая жива. Вместо введения

По данным швейцарской фирмы HBS, которая организовала телетрансляции всех матчей 17-го чемпионата мира 2002 года, финальный поединок Бразилии и Германии смотрели 1,5 миллиарда телезрителей. Это – рекорд, не перекрытый ни финалом-2006 в Германии, собравшим «жалких» 715 млн зрителей по всему миру, ни финалом-2010 в ЮАР, аудитория которого едва перебралась за миллиард.

И в тот момент, когда на 67-й минуте Ривалдо пробил в левый от Кана нижний угол, вратарь бросился за мячом, отбил его, а набежавший Роналдо открыл счет, все эти полтора миллиарда пришли в движение. Кто-то кричал и плакал от восторга, кто-то рыдал и рвал на себе волосы от горя. Равнодушных и спокойных не было. Планета смотрела величайший матч в истории мировых турниров. Население земли превратилось в армию болельщиков. Или, как сейчас говорят, в торсиду.

Футбол – это не только двадцать два парня, которые гоняют по полю мяч. Это еще и тренеры, и врачи, и клубные чиновники, и судьи, и журналисты. Это – спонсоры, подбрасывающие деньги клубам. Несколько десятков тысяч болельщиков, страдающих на трибунах стадионов, и миллионы – затаивших дыхание перед экранами телевизоров. Страсть к футболу уже охватила всю планету, и каждый год умножается и растет на всех континентах армия болельщиков. Каждый из них – приверженец своей команды, российской или японской, французской или камерунской, мексиканской или австралийской. Но при всей несхожести взглядов и предпочтений вряд ли кто осмелится оспорить очевидную истину: единственным лидером мирового футбола является Бразилия. Потому что она – чемпион мира, потому что бразильцы играют в самый красивый и эффективный футбол, потому что Бразилия – единственная страна, участвовавшая во всех семнадцати мировых чемпионатах и победившая в пяти из них. Таких показателей нет и, возможно, никогда не будет ни у одной другой страны мира. Книжка, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, познакомит вас с ярким неповторимым миром бразильского футбола. Со всеми его компонентами, которые только что были перечислены. И рассказ этот мы начнем с главы, посвященной знаменитой бразильской торсиде.

Глава 1. Торсида

Драма на улице Мигель Лемос

Я видел это собственными глазами: стоявший совсем рядом со мной смуглый худой парнишка с глубокими следами оспы на лице дважды нервно хватал меня за локоть, потом отпускал со стоном отчаяния, и вдруг громко вскрикнул, тяжело задышал, словно финиширующий после марафона бегун, рванул майку, распарывая ее от подбородка до пояса, и бросился под несшийся по узкой улице желто-синий автобус линии «Урка – Леблон».

...Прежде чем рассказать, что было дальше, попробую описать место и причины этой драмы.

В тот день, 19 июля 1966 года, вся Бразилия – от самого южного поселка Чуи на границе с Уругваем до затерянного в амазонских джунглях у Французской Гвианы Ояпоке – жила футболом. Впрочем, «жила» – это не совсем точно. Бразилия «живет футболом» постоянно и повседневно. Но в тот прохладный зимний день страна скорее не жила, а умирала от вызванных любимым спортом потрясений. В Великобритании в разгаре был очередной чемпионат мира. И двукратные чемпионы бразильцы, победившие на двух предыдущих чемпионатах подряд, прибыли на землю туманного Альбиона за заветным «ТРИКАМПЕОНОТОМ».

С первого удара по мячу на этом турнире Бразилия замерла в предвкушении торжественного мига. Страна ждала заветного «ТРИ»! И поначалу казалось, что надежды сбываются: первый матч со сборной Болгарии бразильцы выиграли 2:0, голы забили их родные кумиры Пеле и Гарринча.

Но второй поединок был неожиданно проигран 1:3 превосходно игравшей венгерской команде. И теперь дальнейшая судьба «бикампеонов» стала зависеть от исхода третьей битвы – со сборной Португалии. Этот поединок нужно было выиграть во что бы то ни стало. И обязательно с перевесом в три мяча!

В те годы чемпионаты еще не транслировались по телевидению, и потому страна приготовилась слушать радиорепортажи из Ливерпуля, где играли «бикампеоны». Впрочем, что значит «приготовилась слушать»?! Бразилию охватило какое-то коллективное помешательство. С утра 19 июля все, абсолютно все бразильцы говорили только о футболе. С первых предраассветных часов предстоящему матчу посвящали свои программы все местные радиостанции. В ожидании трансляций из Ливерпуля, которые должны были начаться после полудня, местные комментаторы анализировали предстоящий матч, взвешивали шансы команд, пытались предугадать составы, сопоставляли силы соперников и сравнивали их возможности. На каждом шагу: на улицах и в автобусах, у газетных киосков, овощных и фруктовых лотков, в ботекинах и барах – за стопкой тростниковой водки – кашасы или кружкой пива, в кондитерских – за чашкой кофе, в прохладных банковских офисах и удушливых лавках бакалейщиков, в супермаркетах и скверах, в грязных забегаловках и сверкавших накрахмаленными скатертями ресторанах, словом, везде можно было видеть одну и ту же картину: люди с прижатыми к уху транзисторными приемниками и полностью отрешенными от всего окружающего лицами. Они вслушивались в скороговорку спортивных аналитиков. Они ждали начала матча. Они жили надеждой на чудо и верой в магическую силу своего «лучшего в мире» футбола.

Бразилец не может говорить о футболе, ждать футбола, смотреть футбол и вообще жить футболом в одиночестве. Ему обязательно нужно сопереживание, ему нужен друг, с которым можно разделить радость и горе, или соперник, с которым можно яростно схлестнуться. Учитывая это, бразильские радиостанции, ведущие трансляции из Англии, организовали на

площадях, в парках и скверах Рио, Сан-Паулу и других городов страны специальные площадки: на тротуаре или газоне сквера, на рыночной площади или в переулке воздвигался помост. На нем вывешивалось такое же, как на стадионах, громадное табло с составами играющих команд и с ячейками, в которых должно было фиксироваться каждое изменение в счете. Рядом с табло крепились мощные динамики, передававшие голоса комментаторов, ведущих репортаж оттуда, из Ливерпуля. Собиравшиеся перед такими помостами толпы соотечественников получали благодатную возможность (ну точно, как на трибуне «Мараканы» или «Пакаэмбу») делить плечом к плечу с соседом радость и горе, страдать и ликовать, рыдать и прыгать от счастья.

Друзья рассказывали мне, что на предыдущем чемпионате мира 1962 года, проводившемся в Чили, некоторые из организаторов таких коллективных футбольных бдений дошли даже до совсем удивительного изыска. На нескольких таких площадках, отведенных для коллективных прослушиваний репортажей, рядом с динамиком укреплялось громадное электрифицированное табло, расчерченное как футбольное поле, и перемещавшийся по нему под звуки радиорепортажа огонек электролампочки пытался показать зрителям точку, где в данное мгновение находился мяч...

На сей раз, в июле шестьдесят шестого года, я таких ухищрений нигде в Рио не обнаружил, но радиофицированных площадей и перекрестков было в этом городе полным-полно. Матч с Португалией, о котором идет речь, я слушал в толпе, собравшейся на углу улицы Мигель Лемос и Копакабаны у подмостков с громкоговорителями и табло, на котором фиксировались составы команд и отмечались изменения в счете.

К тому времени прошло чуть больше месяца после моего приезда в Рио. Я только-только начинал осматриваться, привыкать к какой-то совершенно невероятной жизни в этом удивительном городе, приютившемся под раскинутыми руками бетонного Христа на горе Корковадо на берегу бескрайней Атлантики. Я еще не успел ничего толком понять в этом странном и загадочном мире, так сильно отличающемся от привычного нашего. И не знал еще пока, что небольшая улочка Мигель Лемос, спускающаяся по кварталу Копакабаны от горы Кантагало к пляжу, издавна (как мне впоследствии объяснил все это мой незабвенный друг Жоан Салданья) является излюбленным местом встреч местной торсиды, любимой точкой предматчевых и послематчевых сборищ футбольных фанатов южных кварталов Рио.

И вполне естественно, что именно на пересечении Мигель Лемос с авенидой Наша сеньора Копакабана был установлен один из крупнейших в городе помостов для радиотрансляций из Ливерпуля, где сражалась за «ТРИ» любимая команда бразильцев. Именно здесь, на углу Мигель Лемос и разыгралась на моих глазах трагедия, достойная пера Шекспира. И говорю об этом без тени преувеличения! И без всякого сарказма, потому что никакой сарказм, юмор или улыбка тут совершенно неуместны. Потому что речь действительно идет о трагедии.

...Бразилии, как было сказано, надлежало или умереть, или выиграть у португальцев три мяча. Третьего было не дано. Бразилия безапелляционно и безжалостно проигрывала этот бой.

15-я минута: Симоэс – 0:1! Тяжелый вздох навис над толпой.

Теперь нужно забивать уже не три, а четыре гола...

24-я минута: Эусебио – 0:2!

Рыдания и стоны потрясают торсиду. Еще одним черным мазком на эту симфонию всеобщего горя накладывается лихорадочный крик репортеров о травме Пеле, за которым безжалостно охотятся португальские защитники. «...И при возмутительном попустительстве британского арбитра Маккейба!..» – гневно восклицают репортеры.

Слезы. Яростно сжатые кулаки. Крики отчаяния и боли.

Забитый за двадцать минут до конца гол Рилдо вызывает на мгновение всплеск надежды, которая тут же гаснет: всем ясно, что это провал. Четыре гола в оставшееся время не забить! Катастрофа. Крушение мечты.

Десять минут до конца поединка.

Из окон домов начинают сыпаться клочки черной бумаги. В знак траура и печали. Яростно рвутся петарды, приготовленные для того, чтобы отметить победу. Рыдают девушки. Мужчины сжимают кулаки и беззвучно глотают скупые слезы, вперяясь невидящими взглядами в безжалостное табло.

Седой старик, сидящий у моих ног, чертит угольком на тротуаре какие-то загадочные знаки и раздувает дымок от тлеющего пряным ароматом пучка сухой травы. Видать, творит языческий обряд. Взывает к своим идолам или покровителям, к святым или дьяволам с мольбой о помощи. О помощи, которая не приходит.

За пять минут до конца все та же «Черная пантера» Эусебио забивает в ворота бразильцев третий мяч.

И тут разыгрывается драма, с описания которой я начал этот рассказ: совсем рядом молодой мулат с лицом, усеянным оспинами, с мозолистыми руками, в пластиковых шлепанцах на босу ногу, рвет майку на груди и с криком бросается под автобус.

Боги пощадили безумца. Каким-то чудом водитель уводит яростно визжащую тормозами тяжелую машину в сторону и умудряется затормозить в сантиметре от столба, на котором мигает желтым светом, словно сигнал бедствия, заклинившийся, видимо, тоже под воздействием всеобщей национальной драмы, светофор.

Мулатика поднимают, встряхивают, шлепают по щекам.

А над толпой все так же отчаянно и трагично, все так же на грани рыдания звенят голоса репортеров-соотечественников, сообщающие оттуда, из Ливерпуля, о крушении всех надежд.

Свисток судьи, возвещающий об окончании матча. Словно удар молотка, вгоняющий в гроб последний гвоздь. На табло приговор: 1:3!.. Горестный стон торсиды. Взрывы петард. И этот мой сосед, вроде бы уже пришедший в себя и неосторожно отпущенный сердобольными сострадальцами, снова кидается под машину. На сей раз под легковую: «Фольксваген»-«жучок».

Тут боги, видимо, тоже отвлеченные ливерпульской трагедией, уже отвернулись от мулатика: взвизгнув тормозами, машина бьет несчастного по ногам, парень взлетает вверх и с пронзительным криком падает на капот.

...Я видел это собственными глазами. На перекрестке улицы Мигель Лемос и авенидой Наша сеньора Копакабана 19 июля 1966 года.

Так я впервые ощутил накал страстей вокруг футбола в этой необычной стране, с которой судьба связала меня на долгие годы.

И в тот момент мне отчаянно захотелось понять, почему с такой силой бразильцы отдаются этой самоубийственной страсти?

Именно об этом: о полной и безоглядной поглощенности футболом, о том, к чему приводит эта национальная страсть, о ее благотворных и негативных последствиях, о ее влиянии на жизнь страны и на судьбы людей и пойдет речь в этой книге.

Начнем же рассказ с самого начала. С объяснения слова «торсида», которое стало для нас, русских людей, едва ли не самым известным и, пожалуй, самым популярным словом из загадочного, мало кому знакомого португальского языка. Именно на нем, на португальском, и говорят в Бразилии.

«Вывихнуть» или «страдать»?

Итак «ТОРСИДА». Откуда оно, это странное слово, возникло?

Звучное и хлесткое (пишется по-португальски: «torcida»), оно давно уже пришло к нам, в Россию. И не без участия автора этих строк, который широко пользовался им в своей первой книге, посвященной бразильскому футболу и изданной еще в 1970 году. Слово это понравилось, прижилось, вошло в нашу жизнь, в наш лексикон, видимо, навсегда. Самое время поэтому задуматься для начала о его происхождении, о его семантических корнях.

Образовано оно от португальского глагола «torcer», который в соответствии с утвержденным Бразильской академией словесности «Малым бразильским словарем португальского языка» означает: «вывихнуть», «скручивать», «сгибать», «крутить», «портить», «развращать», «запутывать», «заставлять кого-либо менять направление или курс», «отказываться от задуманного», «подчинять»... и еще целый ряд значений, большинство из которых столь же специфичны и, скажем прямо, малопривлекательны. Лишь на одном из последних мест в этом перечислении значится: «спорт.: болеть». Вот так...

Видимо, это не случайно. Ведь и в самом деле: «болеть» — означает проделывать над собой именно то, что столь скрупулезно перечислено в словаре. И многое другое. В частности и в первую очередь: «страдать»...

Между прочим, известен и самый первый случай употребления этого глагола применительно к футбольным переживаниям. Где-то в самые первые годы прошлого века, когда футбол только-только начинал обретать популярность и первые репортеры выезжали на первые футбольные матчи, в их отчетах еще почти не было места описанию собственно футбола, поскольку футбол тогда интересовал репортеров гораздо меньше, чем публика, которая начинала заполнять трибуны. В основном на матчи приезжали либо на своих экипажах, либо на конке (в Бразилии она называлась «бонде») друзья или родственники игроков, а также члены клубов, на базе которых возникали футбольные команды, и их друзья или родственники. Вылазка на футбол была «выходом в свет». И наряды этих гостей, их разговоры, анекдоты, слухи и сплетни, которые собирались репортерами на трибунах, были, естественно, куда интереснее, чем непонятная беготня двух десятков парней за одним мячиком там, внизу, на поле... Но случилось, что подруга или сестра кого-нибудь из футболистов вдруг начинала принимать близко к сердцу то, что происходило перед ее глазами. Не потому, что она лучше других разбиралась в стратегии и тактике футбольной игры (если в те времена еще можно было говорить о какой-то «стратегии» или «тактике»), а просто потому, что вдруг видела, как ее возлюбленный получал по ногам, падал, корчился от боли. Возможно, именно в такой момент один из репортеров подметил и описал в своей заметке девушку, которая «нервно скручивала перчатки, переживая происходящее на этом поле для foot-ball...».

И в одной из следующих своих заметок с футбольного матча он снова вспомнил эту девушку, которая принималась «torcer», то есть «нервно крутить» свои перчатки. Это выражение понравилось, его подхватили другие писатели, оно стало кочевать из газеты в газету, и в конце концов, благодаря извечной любви бразильцев к крылатым выражениям, к лихим оборотам, к поэтическим метафорам, прижилось. Отсюда и появилось собирательное значение болельщиков как «торсиды». Со временем оно стало общеупотребительным в Бразилии, а потом и в десятках других стран, в том числе и в России.

«Мы умираем чаще...»

Всю эту гамму переживаний, выраженных глаголом «torcer», один бразильский публицист остроумно выразил в форме призыва торседора, обращающегося к жене накануне очередного футбольного сезона с такими словами:

«Чемпионат начинается, жена...Все! Отныне и до декабря не рассчитывай на мое участие в воскресных обедах со своей мамашей. Теперь буду кушать пораньше и что-нибудь легкое. Лишь бы обмануть желудок. Доктор говорит, что перед матчем нельзя слишком плотно наедаться. Приходится слушаться доктора, жена. Ведь война чемпионата слишком жестока и безжалостна, и чтобы победить в ней, необходимо соблюдать режим.

И не стоит, моя дорогая, говорить, что я смешон, что я преувеличиваю! Да, я не играю, не бегаю за мячом, но ты же знаешь: нам, торсиде, приходится гораздо труднее, чем игрокам. И торседорес умирают чаще, чем те, кто бегают там, внизу...

Да, жена, начинается священная война, и впереди у меня масса забот. Я буду свистеть и сам буду освистан, буду забивать голы и пропускать их, я буду плакать и смеяться... Поэтому, жена, смиришься с моим отсутствием по воскресеньям. Но прежде чем отправиться с сестрой или тещей в кино, не забудь поставить для меня бутылку пива в холодильник. И таблетку «Мельорала» от головной боли – на тумбочку у моей кровати. Пиво, чтобы отметить победу, лекарство – на случай поражения.

Но никому не говори про таблетку, потому что друзья начнут смеяться надо мной. И потому что думать о проигрыше перед матчем – плохая примета».

Такой вот страстный и взволнованный монолог.

Ну а если кто-нибудь из вас, уважаемые читатели, полагает, что фраза «...Торседорес умирают чаще, чем те, кто бегают там, внизу» является заведомым преувеличением, что это – всего лишь поэтическая гипербола, расскажу такую историю.

«Матч пяти смертей»

6 марта 1958 года в Сан-Паулу на стадионе «Пакаэмбу» в рамках традиционного турнира сильнейших команд Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу встречаются старые и непримиримые соперники: «Сантос» и «Палмейрас». Одно из самых традиционных и непримиримых дерби бразильского футбола, которое всегда гарантирует жаркую борьбу, вулканические эмоции на трибунах и любые неожиданности на табло.

В тот осенний мартовский день пятьдесят восьмого года именно так все и происходило. На поле и на трибунах. И чтобы выразить нашим земным языком страсти, бушевавшие на поле, на трибунах и во всем городе и штате Сан-Паулу, нужен гений Шекспира. Не обладая таким даром, автор этих строк ограничится лишь конспективным, протокольным изложением происходивших на поле событий:

8-я минута, гол «Палмейраса» (Уриас), 1:0.

10-я минута, гол «Сантоса» (он забит еще неизвестным за пределами Бразилии, всего лишь подающим надежды семнадцатилетним Пеле), 1:1.

25-я минута, гол «Сантоса» (Пагао), 2:1.

26-я минута, гол «Палмейраса» (Нардо), 2:2.

33-я минута, гол «Сантоса» (Дорвал), 3:2.

42-я минута, гол «Сантоса» (Пепе), 4:2.

44-я минута, гол «Сантоса» (Пагао), 5:2.

Перерыв... Прервемся и мы и посмотрим еще раз на табло. Итак, после первого тайма «Сантос» ведет 5:2.

– И теперь скажите мне, пожалуйста: разве у кого-нибудь могут возникнуть сомнения по поводу окончательного исхода поединка? – такой вопрос задал финансовый директор клуба сеньор Сиро Коста, рассказывая мне историю десять лет спустя, когда я однажды в его кабинете ожидал игрока «Сантоса» Зито, который должен был отвезти меня на загородную базу этого клуба для встречи с Пеле.

Я, разумеется, согласился, что никакого сомнения тут быть не может.

– И все мы так думали, – продолжил рассказ Сиро Коста. – Я уже начал подсчитывать, каким будет «бишо», то есть премия за победу, и как мне придется по справедливости разделить между нашими игроками выделенную под победу премиальную сумму.

– И парни наши, – продолжает Сиро Коста, – не сомневались в победе. Некоторые спрашивали у меня, каким будет «бишо». Кое-кто уже рассказывал, радостно смеясь, как он собирается израсходовать эту сумму...

Начинается второй тайм. В котором события развиваются весьма неожиданным образом. Вновь перехожу к телеграфно-протокольному изложению событий:

16-я минута, гол «Палмейраса» (Маззола), 3:5.

19-я минута, гол «Палмейраса» (Паулиньо), 4:5.

27-я минута, гол «Палмейраса» (Маззола), ничья 5:5.

35-я минута, гол «Палмейраса» (Уриас), «Палмейрас» ведет 6:5.

...К этому моменту среди торсиды уже были зарегистрированы три смерти: на трибунах стадиона погибли от разрывавших душу эмоций два болельщика (один «сантист», другой – торседор «Палмейраса»), а в городе умер от тяжелого инфаркта третий, ехавший в автобусе с транзистором, излучавшим смертельную радиацию репортажа...

Но впереди еще десять минут игры.

37-я минута. Гол «Сантоса» (Пепе), ничья 6:6.

В этот момент в городе Кампинасе (в ста километрах от Сан-Паулу) умирает от разрыва сердца четвертый болельщик, слушавший вулканический радиорепортаж с «Пакаэмбу».

41-я минута. Гол «Сантоса» (Пепе), 7:6, победа «Сантоса», конец матча и... с финальным свистком судьи Жоана Этцеля погибает пятый болельщик. И тоже от инфаркта.

И тут нужно заметить, что, несмотря на обилие голов и накал борьбы, никто из футболистов не получил серьезных травм. Все остались живы и здоровы. Погибли лишь пять болельщиков.

И потому в историю бразильского футбола этот поединок вошел под названием «матч пяти смертей».

И теперь самое время задуматься, почему люди способны на такие реакции? Почему, с какой стати эта страшная в своей неудержимости сила не только приводит их на стадионы, но и толкает подчас на гибель?

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, нужно для начала разобраться, как же родилась и сформировалась бразильская торсида, выражающая такие эмоции?

Это начиналось так...

Первая игра в футбол состоялась в Бразилии в 1890 году в городе Белем, лежащем в устье Амазонки. Играли там англичане: моряки стоявшего на рейде Белема судна и местные инженеры, работавшие по контрактам. В Сан-Паулу первый футбольный матч был зафиксирован 14 апреля 1895 года. Присутствовали на нем 60 болельщиков, точнее сказать, любопытствующих зевак, с интересом наблюдавших за этим странным зрелищем. Никаких чрезвычайных происшествий, тем более смертельных случаев, в тот день зафиксировано не было. Так же, как и на первом матче в истории Рио-де-Жанейро, который состоялся 1 августа 1901 года. Там за ходом событий наблюдали всего полтора десятка зрителей.

Видимо, вряд ли эту кучку энтузиастов, случайно забредших на диковинное игрище (а скорее всего приглашенных самими футболистами), можно считать первыми торседорес. Думаю, будет правильно предположить, что формирование торсиды в Бразилии началось с того момента, когда на матчи начали продаваться билеты, то есть сам факт посещения футбола уже превращался в акт определенного самопожертвования. Имеется в виду некоторая денежная сумма.

Первый такой поединок с платными зрителями был организован через год после возникновения первого в Рио футбольного клуба «Флуминенсе» на его поле – 16 июля 1903 года. Билет стоил два мильрейса. Не так уж и дешево. Столько же, учтите, стоил билет в местную Оперу! На эти деньги можно было хорошо прокатиться на извозчике либо купить две бутылки шикарного итальянского вина или килограмм хорошего французского сливочного масла (датское, выше классом, стоило уже три мильрейса). Либо упиться пивом. Так нет же: нашлись все-таки целых 969 человек, которые решились израсходовать эту сумму на просмотр футбольного матча! А вместе с родственниками и друзьями футболистов (которые, естественно, прошли на матч без билетов) на той игре присутствовали около двух с половиной тысяч зрителей! Цифра, которую, заметим, и сегодня-то далеко не всегда регистрируют контролеры стадионов даже на матчах больших клубов. (Например, 20 ноября 1996 года на матче еще формально сохранявшего тогда звание чемпиона Бразилии-95 «Ботафого» с командой «Витория» присутствовало... 162 болельщика. Это был рекордно низкий показатель посещаемости в национальном чемпионате того года.)

Возвращаясь к истокам бразильского футбола и к первым росткам формировавшихся в начале века торсид, напомним очень важную для понимания этих давних событий деталь. В те времена сама футбольная игра была еще уделом элиты: студентов, молодых адвокатов, юных выходцев из самых «сливок» общества. Оно и понятно: ведь первые футбольные команды формировались в рамках аристократических клубов типа «Пайссанду» в Рио или «Германия» в Сан-Паулу. Они издавна практиковали вполне добропорядочные спортивные увлечения: гимнастику и крикет, гольф или греблю. А по выходным дням или праздникам устраивали для своих членов шикарные балы, на которых полагалось появляться в смокингах и вечерних туалетах. Одна только сумма вступительного взноса в такой клуб, превышавшая годовую зарплату рабочего или мелкого чиновника, сама по себе служила надежным барьером, предохранявшим от проникновения туда нежелательной публики. Не говоря уже о необходимости представления обязательных и авторитетных рекомендаций, о строгом процессе отбора кандидатов. Ни о каких неграх и мулатах в таких клубах, так же как и об их появлении на футбольных полях, и речи в те годы идти не могло!

Все это и предопределило социальный состав зрителей, располагавшихся в прошлые времена на трибунах первых бразильских стадионов. Публика эта, нужно признать, совсем не походила на ту, что мы видим сегодня на трибунах «Мараканы», «Лужников» или «Сантьяго Бернабеу». То были почтенные джентльмены в сюртуках и элегантных соломен-

ных шляпах: отцы, старшие братья и друзья резвившихся на поле игроков. И их матери, сестры и подруги: в изящных платьях с кринолинами и кружевами, с веерами из страусиных перьев, благоухавшие французскими духами, шелестевшие шелками, трепетавшие зонтиками. Неудивительно поэтому, что, как я уже сказал, попадавших иногда на матчи репортеров (так же, как и читателей их продукции) гости на трибунах интересовали гораздо больше потных парней, носившихся по полю за мячом. В отчете о первом поединке «Фламенго» и «Флуминенсе», состоявшемся 7 июля 1912 года, газета «О Паис» писала: *«Несмотря на имевшие в этот день место turf и rowing, очень многочисленное избранное общество собралось все же на field, где состоялся meeting»*.

Да, действительно, в те времена газеты имели обыкновение вдохновенно перечислять наиболее примечательные фигуры, изволившие почтить своим присутствием эту странную забаву, детально описывали туалеты дам, рассказывали о слухах и анекдотах, которыми перебрасывались на трибуне представители «общества», созерцавшие матч. Ну, а иногда случалось, что в конце такой заметки сообщался и результат поединка.

Постепенно эта загадочная, но чертовски увлекательная британская игра football начала завоевывать симпатии публики и отбирать зрителей у самых популярных воскресных развлечений: скачек, гребли, крикета и парусных регат. Стало модным ходить на матчи. Стало престижным отдавать свои симпатии любимому клубу. И декларировать эту свою любовь ленточками с цветами любимого клуба, которые укреплялись на соломенных шляпах. Причем это были не просто ленточки, купленные, извините меня за предположение, в галантерейной лавке за углом. Нет! Это были ленточки, заказанные в Англии! Вот так...

С НОЖОМ И ПИСТОЛЕТОМ

Хотя негров и мулатов держали вдали от футбольных клубов, но запретить им глазеть на матчи было невозможно. И если «чистая» публика гордо восседала на плетеных креслах трибун, то плебс вынужден был толкаться на так называемой «geral» – узкой полоске стоячих мест вдоль ограды, отделявшей трибуны от зеленого газона «field», на котором резвились «бэки», «халфы» и «форварды». (В футболе тогда царила только английская терминология.)

И почему-то именно там, на этой «жерал», появлялись самые горячие, самые страстные и верные поклонники «Фламенго», «Флуминенсе» и других «больших» клубов. Хотя в фавелах, на рабочих окраинах, в северной зоне Рио, где жил незнатный люд, тоже начали создаваться свои команды, свои клубы, но плебс поначалу с особым удовольствием отдавал свои симпатии клубам-«грандам» с их «академиками», как называли тогда футболистов. (Еще бы! Во «Фламенго», выигравшем свои первые чемпионаты Рио в 1914–1915 годах, из четырнадцати игроков основного состава восемь были студентами медицинского факультета местного университета, четверо – юридического и только двое были не студентами, а сыновьями богатых бизнесменов!)

В историю «Флуминенсе» вошла экзотическая пара его первых знаменитых торседоров: Шико Гуанабара и Овидио Дионизио. В день матча своего клуба эти два могучих негра, принаряженные, благоухающие дешевой туалетной водой, спускались из фавелы. Надо было видеть этих денди! Физиономии тщательно выбриты. Вокруг шеи – яркие платки, белоснежные, безупречно отглаженные брюки аккуратно заправлены в начищенные до блеска сапоги, из-за отворотов которых торчали ручки длинных ножей. Парни, естественно, отправлялись на «жерал»: Шико стоял всегда в первом ряду, облокотившись небрежно на ограду, а громадный Овидио, прозванный почему-то Джонсоном, торчал позади. Чтобы не закрывать другим футбольного поля. Но если кто-то поблизости вдруг ронял неосторожное словцо в адрес любимого «Флу», Шико выхватывал нож, а Овидио сжимал кулак. И все, и точка! Дискуссии или насмешки тут же прекращались.

А клуб «Сан-Кристован» был известен в те годы столь же экспансивным торседором по кличке Пернета (Безногий). Это был одноногий мулат, в любой драке пускавший в ход свой костыль. А иногда и нож... Однажды он чуть было не прирезал президента «Ботафого» Пауло Азередо, которого спас от расправы тренер «Сан-Кристована» Луис Виньяс, утихомиривший «народного мстителя».

Такой же рыцарь был тогда и у «Ботафого»: негр Мануэль Моторнейро. Однажды его клуб играл в гостях, в северном пригороде Рио, против «Бангу». За победу вручался весьма красивый кубок. Матч был выигран «Ботафого», но разъяренная местная торсида с громкими воплями «Выиграли, но не получите!», вооружившись палками, ножами и камнями, окружила палатку, где «ботафогенсес» переодевались после игры. Расправа была бы ужасной, если бы не Мануэль. Он выхватил пистолет, встал перед входом в палатку и крикнул, что застрелит каждого, кто сделает шаг вперед.

Как взбесившиеся, желающие полакомиться мясом дрессировщика тигры, торседорес «Бангу» теснились вокруг «Ботафого», ругаясь, крича, проклиная обидчиков и так и не решаясь сделать роковой шаг. Осада продолжалась около часа, пока не подоспел вызванный кем-то отряд полиции, вызволивший пленников. Их отконвоировали до платформы пригородного поезда, они сели в вагон и тут же легли на пол, ибо в окна вагона полетели камни.

Элитарность тех первых футбольных клубов-грандов приводила иногда к совершенно невероятным ситуациям. Однажды, это было еще в двадцатые годы, хозяева «Флуминенсе», после отчаянных споров и колебаний, решились-таки пойти на нарушение неписаного, но святого закона: из «Америки» во «Флу» был приглашен светлый мулат Карлос Альберто.

Уж больно хорошо играл, мерзавец! Впрочем, пока он играл во второй команде «Америки», никто не обращал внимания на смугловатость его кожи. А тут вдруг его определяют в первый состав «Флу» – едва ли не самого аристократического клуба!

Нет, вы представьте себе всю невероятность ситуации: рядом с «академиками» этот мулат должен был выбегать на поле и, как это было принято в те годы перед началом матча, подбегать к главной трибуне и дружно, вместе с командой скандировать несколько раз, обращаясь к той шикарной публике, к тем вылощенным сеньорам в котелках с трехцветной ленточкой из Лондона, к тем нежным и хрупким девочкам под зонтиками, к их мамашам, затянутым в корсеты из китового уса:

«Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!»

И слушать в ответ снисходительно-доброжелательные рукоплескания.

И еще раз представьте себе: вся команда – белая, как подвенечный наряд, а он, Карлос Альберто... Ах, черт возьми!

Терзаясь и смущаясь, парень попытался найти выход: перед первым своим появлением на поле он тщательно запудрил лицо рисовой пудрой.

Выбежали, подбежали к трибуне, прокричали.

Трибуны ответили вежливыми хлопками и девичьим повизгиванием. Все нормально.

Потом разбежались по своим позициям, судья дал свисток, игра началась, и тут... спустя уже несколько минут (старавшийся не ударить в грязь лицом Карлос Альберто носился по полю, не жалея сил) по вспотевшему лицу его эта проклятая пудра потекла вместе с каплями пота, да так, что лицо сначала стало полосатым, как у зебры, а потом и вовсе открылась та самая природная, так компрометирующая его смуглость. Кошмар!

И это, естественно, тут же заметили на трибунах. И торсида соперников – те самые болельщики «Америки», которые не хотели простить ему «предательства», начали вдруг скандировать: «Po de Arroz!», что означало: «Рисовая пудра!».

Не будем гадать, что творилось в те минуты в душе отверженного. Но заметим, что как-то неожиданно это название «Рисовая пудра» так и прилипло к команде и торсиде «Флуминенсе». И вскоре с каждым появлением «трехцветных» игроков на поле соперники на трибунах начали встречать их дружным криком: «Po de Arroz!» Это продолжалось и тогда, когда Карлос Альберто перестал играть. Торсида «трехцветных» сначала возмущалась, а потом вдруг как-то неожиданно приняла это прозвище, сделала рисовую пудру своим «фирменным знаком» и стала появляться на матчах с... запасами этого продукта, используя его для расцвечивания атмосферы: тысячи легких бумажных мешочков, запущенных вверх, разрывались и окутывали трибуны пьянящим серо-белым туманом.

Этот обычай, кстати сказать, сохранился и до сих пор. Помнится, на последнем «Фла» – «Флу» (так для краткости и лихости именуются дерби «Фламенго» и «Флуминенсе»), которое я видел на «Маракане» в ноябре 2001 года, при появлении своей команды из туннеля торсида «Флу» буквально погрузила весь стадион в туман рисовой пудры. Точно так, как я это наблюдал на первом моем «Фла» – «Флу» три десятка лет назад.

Веслами по головам

Да, соперничество команд порождало соперничество торсид. Но первые его проявления, по крайней мере, в среде «академиков», в кругах той элитарной торсиды, что посещала трибуны, а не толпилась на «жерал», еще не были слишком уж безжалостными. Они поначалу выливались в невинные забавы над неудачниками, в подшучивание и насмешки, вроде упомянутой «Рисовой пудры», в ответ на что торсида «Флу», обращаясь к болельщикам «красно-черного» «Фламенго», скандировала столь же вдохновенно: «Po de carvão!» («Угольная пыль!»)

Ах, как это было мило, как это было интеллигентно, если посмотреть на эту традицию из суровых сегодняшних стадионных будней! Если вспомнить о нынешних нравах торсиды... В те годы, например, с трибун еще не летели на поле бутылки, еще не научились орать неудачно игравшим футболистам: «Вон с поля!» Вместо этого в тот момент, когда мяч попадал к неугоднему торсиде игроку, она начинала хором покрикивать: «Olha o telefone!» («Ой-ой-ой! Звонит телефон!...») Подразумевалось, что неугодный футболист должен отправиться к ближайшему телефону, куда его якобы вызывают, освободив тем самым команду от своего присутствия.

Проигравшей команде, пока она переодевалась после матча, могли привязать к автобусу связку пустых жестянок. Их гроыхание должно было возвестить городу о проезде неудачников. Посылались язвительные телеграммы с выражением «искренних соболезнований» по случаю проигрыша. Покупались и дарились гигантские шляпы – «для вспухшей головы».

Естественно, торсида победителей стремилась отпраздновать победу как можно более пышно и шумно. Размах таких торжеств становился все более изощренным и изобретательным. Если самые первые матчи в Рио и Сан-Паулу в начале прошлого века обязательно завершались торжественным совместным – для победителей и побежденных – ужином в дорогом ресторане, то с нарастанием соперничества эта традиция умерла. Ужинали только победители. Причем старались, чтобы ужин сопровождался оркестром. Но поскольку матчи проходили в воскресенье, то оркестр приходилось заказывать заранее: в пятницу или субботу.

Свисток судьи, возвещавший об окончании поединка, служил стартовым сигналом для оркестра, нанятого торсидой победителей. Под грохот барабанов, ликующее пение труб, размахивая стягами своего клуба и скандируя насмешки в адрес поверженных соперников, победители гордо шествовали с трибун на улицы города. Чтобы затем в ресторанах и кафе достойно отметить победу.

Ну а в случае проигрыша ужин, естественно, отменялся. Оркестранты, получив от неудачников какую-то компенсацию, отправлялись восвояси, а проигравших подстерегала на улице и безжалостно освистывала счастливая, изнемогающая от восторга «вражеская» торсида.

Страсти накалялись. Противоборство торсид обретало все более резкие и грубые формы. Особенно это стало заметно с появлением в первой лиге чемпионата Рио-де-Жанейро (национальные чемпионаты в те времена в Бразилии еще не проводились) клуба «Васко да Гама», выигравшего в 1922 году чемпионат второй лиги и получившего право на вхождение в элитную группу «грандов». Возникший в начале века в недрах многотысячной португальской колонии бразильской столицы, «Васко» с первых же шагов проявил беспрецедентный шокирующий демократизм: он свободно принимал в свои ряды негров и мулатов. Мало того, именно они: «colored» («цветные») стали основной ударной силой этой команды. И именно потому, что все футболисты этой команды были «из низших сословий», ее тренер Рамон Платеро смог впервые в Бразилии наладить с ними самую что ни на есть

профессиональную работу. Он посадил их на режим жесткой концентрации, организовал с помощью покровителей и спонсоров из португальской колонии режим питания и всерьез занялся физической подготовкой своих парней. Каждое утро негры и мулаты, выпив по стакану свежего сока, отправлялись бегать кросс. В конце концов, они дошли до таких физических кондиций, какие не снились «академикам», никогда не знавшим серьезных нагрузок, никогда не уделявшим своей «физике» должного внимания. И когда «Васко» вдруг получил право играть с «академиками», в их рядах возникло состояние шока, негодования, а затем и паники. «Эти» негры и мулаты, после первой весьма бледной (сказалось, видимо, волнение премьеры) ничьей (1:1) со слабенькой командой «Андараи», вдруг начали беспощадно бить одного за другим всех этих самонадеянных, уверенных в своей непобедимости грандов. Они просто давили их своей выносливостью, в каждом матче умудрялись «перебегать», поразить скоростью и выносливостью самых сильных соперников.

От победы к победе «Васко» неудержимо продвигался к первому месту. Оскорбленная в своих лучших чувствах торсида «академиков» перед поединком «Васко» с последним из еще неповерженных могикан – «Фламенго», намеченным на 8 июля 1923 года, задумала показательно проучить этих «выскочек». Идея вызревала в кафе «Рио Бранко» и в галерее «Крузейро» – стратегических центрах фанатов «Фламенго». Было решено, что после «постыдных» поражений, которые потерпели от «Васко» все остальные гранды, именно элитарный, гордящийся своей «голубой кровью» «Фламенго» должен смыть этот позор! Причем не только на поле... Началась невиданная доселе психологическая подготовка. Вздвигали себя и игроки, и торсида. Была «проведена работа» с судьей предстоящего поединка Карлосом Мартинсом да Роша, знаменитым Карлитой Роша, известнейшим «ботафогенсе», фигурой, отметившей историю бразильского футбола. Впрочем, с ним работу можно было и не «проводить»: как почетный член тоже элитарного «Ботафого», он жаждал мести и рвался в бой. И сыграл свою роковую роль на последних минутах поединка.

И вот, в тот памятный зимний, но теплый июльский день, отправляясь на матч с «Васко», фанаты «Фламенго» прихватили с собой на трибуны... весла, завернув их в газеты и в красно-черные флаги «Менго», как любовно называют иногда свою команду ее поклонники. Весла объявились тут совсем не случайно: клуб этот еще до появления в нем футбола активно культивировал парусный и гребной спорт. И с момента своего основания в 1895 году до сих пор он все еще именуется «Клуб регат Фламенго». И этими веслами прямо там, на трибунах, торседорес «Менго» принялись избивать «васкаинос» каждый раз, когда те пытались подбадривать свою команду. Кажется, это был первый в истории случай такого жесткого столкновения торсид прямо на трибунах. За пределами стадиона стычки уже случались, но на трибуны эта война перекинулась именно с того памятного дня.

По окончании поединка (он был выигран «Фламенго» 3:2 при явном попустительстве Карлиты Роша, который на последних минутах поединка не засчитал абсолютно верный гол в ворота «Фламенго») ликующие фанаты «Менго» в союзе с не менее радостными болельщиками других грандов организовали торжественный автомобильный (в 100 машин!) проезд. Они шествовали через весь город от раскидистых пальм пляжа Фламенго через богемный, славившийся хулиганистым нравом своих обитателей квартал Лапу, где был заброшен камнями и бомбами португальский бар Капела, затем, уже в центре – по улице Эваристо Вейга, авениде Рио-Бранко, через площадь Республики к площади 11 июня, где была мимходом разгромлена португальская пивная «Виктория», в которой «васкаинос» обычно отмечали свои славные победы.

Свирепое сигнала, гремя барабанами и взвизгивая трубами, этот кортеж плыл под овации толпившихся на тротуарах зевак, и при его приближении в панике закрывались лавки португальцев, задвигались шторы, опускались жалюзи и ставни. В их витрины летели камни и самодельные бомбы. Над входом в штаб-квартиру «Васко» близ пляжа Санта-Лузия был

подвешен двухметровый башмак, служивший до того рекламой португальского обувного магазина на улице Катете. А на шею бронзовому первооткрывателю Бразилии, знаменитому португальскому мореплавателю Педро Альваресу Кабралу, высящемуся на площади Ларго да Глория, подвесили гигантскую связку лука.

Поразительно, что ни полиция, ни пресса, ни то, что принято называть «общественным мнением», не осудили этого варварства, и до сих пор тот матч числится в анналах «Фла», как одно из самых славных свершений любимого клуба.

Вспоминаю, с каким восторгом рассказывал мне однажды об этой странице его истории один из самых авторитетных летописцев «Менго», создатель подробнейшей истории этого клуба, умнейший и добрейший Иван Алвес, талантливый журналист, вдохновленный рассказчик, с которым мы долго и крепко дружили, несмотря на абсолютное несходство наших футбольных религий: Иван был, естественно, фанатичным «красно-черным», а я – не менее стойким приверженцем «Ботафого».

Но, возвращаясь в те бурные двадцатые годы... несмотря на только что описанную неудачу в матче с «Фламенго», чемпионом Рио-1923 стал все-таки «Васко» (для любителей статистики приведу состав той замечательной команды: Нельсон Чофер, Лейтао и Минготте, Клаудионор, Болао и Артур, Паскоал, Тортеролли, Сеси и Негрито). И теперь португальская колония, а вместе с ней и весь незнатный, небогатый Рио получили благодатную возможность отомстить «академикам» за недавнее унижение – отпраздновали свой сенсационный успех. И они-таки, пользуясь сегодняшней терминологией, «оторвались по полной программе». Торжествуя эту победу, таксисты Рио (большинство из них были португальцами) носились по городу с ревущими сиренами, бары и кафе, владельцами которых были португальцы, не закрывались до утра. Гремела музыка, звучали песни, взлетали в черное небо ракеты, тротуары и стены Рио были расписаны «Васко» – чемпион!».

А уязвленные до глубины души торсиды клубов-грандов уже мечтали о реванше. И о мщении.

И месть была придумана: руководители ведущих клубов Рио обратились в Федерацию футбола с требованием тщательно проверить «социальный состав» команды-победительницы. Тут я должен пояснить, что в те времена футбол в Бразилии был стопроцентно любительским. В учетных карточках городской лиги Рио обязательно фиксировались данные об основном месте работы или учебы или о занятии игрока. С клубами-грандами сложностей не возникало. На их игроков анкеты заполнялись без всяких проблем: «студент», «адвокат», «предприниматель», «лицо свободной профессии». Никаких зарплат, премий за забитые голы или выигранные матчи и турниры никто официально платить футболистам не имел права! И весьма состоятельным «академикам» никакие футбольные заработки не были нужны. Они играли в футбол ради славы, а не ради денег.

Но набрав талантливых ребят из дворовых команд, из маленьких периферийных клубов, руководители «Васко» смекнули, что наибольших успехов в футболе, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, может добиться только тот, кто целиком посвящает себя данному делу. То есть начинает заниматься им *профессионально*. Поэтому для своих питомцев хозяева «Васко» наняли прекрасного тренера уругвайца Рамона Платеро, перекупив его, кстати сказать, у «Фламенго» (что еще более усилило ярость торсиды «красно-черных»!), отстроили специальный учебный центр, где будущие чемпионы были до конца чемпионата поселены на постоянное жительство и с утра до вечера тренировались.

А в учетных карточках, отправляемых в лигу, для этих парней ставились липовые названия профессий и фирм, где они якобы работали.

И именно подобная стопроцентная всепоглощенность футболом позволила «васкаи-нос» победить всех фаворитов уже в первом же своем сезоне в высшей лиге.

Но это же послужило и основой для обвинений со стороны соперников «Васко» в скрытом, замаскированном профессионализме! И руководство футбольной лиги Рио-де-Жанейро приняло сторону взбунтовавшихся «грандов»: потребовало от «Васко» «немедленно убрать» из команды всех, кто не докажет, что он является стопроцентным любителем. Речь шла фактически о дисквалификации двенадцати футболистов основного состава!

Произошел скандал. «Васко» отказался выполнить это требование и пригрозил уходом из лиги. Болельщики поддержали чемпионов, и в конце концов футбольные бонзы вынуждены были пойти на попятный. Руководство лиги опубликовало «разъяснение»: ее теперь не устраивал плохо приспособленный для проведения матчей чемпионата стадион «Васко» на улице Мораис э Силва.

Стадион этот и впрямь был, скажем прямо, не ахти. Но у новорожденных чемпионов выиграло самолюбие, был брошен клич, объявлен сбор денег, и в конце концов к 1927 году «Васко» обзавелся лучшим на тот момент в стране стадионом «Сан-Жануарио».

В конце концов «мятежники» из «Васко да Гама» добились-таки своего: мало того, что они были признаны в качестве равноправных партнеров, но через десяток лет один за другим все остальные «гранды» поняли, что без негров и мулатов им не обойтись. И весь бразильский футбол начал перестраиваться на рельсы профессионализма.

Баллон над городами магия футболки

Но это произошло лишь в начале тридцатых, а до того случилась в Рио еще одна взбудоражившая торсиду сенсация: в 1926 году звание чемпиона (в первый и последний раз в своей истории) силами негров и мулатов, игравших в этом клубе, завоевал скромный «Сан-Кристован», за который болела вся северная зона Рио. И как блестяще была достигнута эта победа! Надменные «академики» «Фламенго» были, например, повержены дважды: 5:1 и 5:0! С таким же грохотом провалились и остальные гранды. По этому случаю незнатная торсида «Сан-Кристована» в пароксизме восторга довела до абсурда практиковавшийся уже несколько лет обычай запуска по праздникам и по торжественным случаям «баллонов» – воздушных шаров. Мастерились они по тому же принципу, по которому и ныне созидаются гиганты воздухоплавания, пытающиеся даже облететь всю нашу планету: внизу под шариком крепится банка с керосиновым или иным нагревателем, теплый воздух наполняет шар и поднимает его. И этот «баллон» летает до тех пор, пока не выгорит горючее или пока его не расклюют любопытные птицы.

Так вот торсида «Сан-Кристована» соорудила десятиметровый шар, который, полетав над центром города, начал затем опускаться на гигантские баки с газом и горючим близ порта!

Рио охватила паника. Из близлежащих домов бросились убежать люди. Если бы не отвага пожарников, как минимум половина столичного города в тот день, 21 ноября 1926 года, взлетела бы на воздух! Вместе с императорским дворцом, зоопарком, муниципальным театром, парламентом и национальной библиотекой.

...Так постепенно страсти торсиды продолжали накаляться все горячее и безогляднее. Манифестации вражды к соперникам и демонстрации беззаветной преданности родному клубу становились все более шумными, экзальтированными, истеричными.

Именно в эти годы в недрах торсиды «Фламенго» рождается красивая легенда о «силе нашей футболки»: о том, что магия имени «Фла» способна творить чудеса. И в самом деле: все чаще и чаще случались поединки, которые эта команда выигрывала у заметно более сильных противников только «на крике» трибун. Торсида «Менго» увлекала своих парней, подстегивала их, заставляла брать невероятные высоты и выигрывать, казалось бы, безнадежно проигранные бои!

А подвиги «наших парней» опять-таки подхлестывали торсиду, рождали чувство единства и сопричастности тех, кто бежит с мячом, и тех, кто страдает на архибанкаде. «Патриотизм футболки» гиперболизировался, обретал черты магии и фанатизма, как это случилось однажды в той памятной истории 1927 года с одним из «красно-черных» по имени Пенафорте.

Это был молодой игрок. Белый. Но не из самых богатых. Из средних слоев, скажем так. Играл он очень даже прилично. Хотя и не был звездой. Пришла пора – собрался жениться. Но ему было как-то неловко – привести невесту в почти пустую свою квартиру. И он попросил у хозяев клуба денег на мебельный гарнитур. А в ответ получил гневный отказ и яростный упрек в отсутствии патриотизма, в измене идеалам клуба: «Как это так?! Разве кто-нибудь играет в нашем «Менго» за деньги?»

Ну, что же, бывает... Прослышав об этой истории, хитрые картолы¹ конкурирующего клуба «Америка» тут же подсустились и предложили жениху мебельный гарнитур в качестве свадебного подарка. Взамен, естественно, на переход Пенафорте в их команду. И парень ушел в «Америку». (Еще раз напомним: это было до вступления бразильского футбола в «эру

¹ Картолами называют в Бразилии футбольных чиновников. – *Прим. авт.*

профессионализма», когда никаких контрактов футболисты с клубами не подписывали и выбирали свою судьбу, исходя не из размеров денежных сумм, премий или окладов, а руководствуясь только и исключительно симпатиями к клубам или коллегам-футболистам, или тем, что уже тогда называлось «магия футболки»).

Расценив шаг Пенафорта как «акт предательства», торсида «красно-черных» (мало того, что она безжалостно, уже совсем по сегодняшним нашим меркам и стандартам, освистывала его на стадионе!) решила еще устроить ему и символические «похороны». Нельзя сказать, что уход Пенафорта слишком уж ослабил ряды «красно-черных». Отнюдь нет! На его место очень удачно встал Эрминьо. И играл ничуть не хуже «беглеца». Но все равно: «предателя» нужно было наказать! Дабы другим было неповадно. И чтобы все знали, сколь беспощадна к предателям торсида «Менго».

Он был готов умереть

Публичную экзекуцию было решено устроить не сразу, а по окончании чемпионата. И по счастливому для торсиды «Менго» совпадению судьба чемпионата решалась в последнем матче их команды именно против «Америки», выигранном со счетом 2:1.

Это было 18 сентября 1927 года. И вскоре после победы от штаб-квартиры «Фламенго», которая тогда находилась еще не в Гавеа, как сейчас, а на улице Пайссанду, по главной авеню Рио-Бранко через кварталы Лапа, Манге, Площадь Бандейра по направлению к стадиону «Америки» на улице Кампос Салес двинулся «траурный кортеж»: увитые черными лентами машины. На первой из них плыл громадный гроб, на котором большими буквами было написано имя «предателя»: PENAFORTE.

Но ведь не только клуб «Фламенго» имел торсиду. Были не менее восторженные и патриотичные обожатели и у «Америки»! И когда кортеж приблизился к кварталам, где уже царила и господствовала торсида этого клуба, один из «американос» по имени Армандо де Паула Фрейтас встал посреди мостовой перед машиной с гробом и широко раскинул руки.

Кортеж остановился. Сидевший рядом с водителем шеф торсиды «Фламенго» Силвио Пессоа встал на ноги, достал из-за пояса револьвер и направил его на Армандо. Тот закрыл глаза и отчаянным жестом беззаветной готовности умереть за «Америку» рванул рубаху на груди: «Стреляй!»

Силвио поднял револьвер, прицелился. Народ на улице замер. Стих горячий ветерок, гнавший по мостовой обрывки газет, застыли в жаркой неге пальмы, смолкли птицы: то ли от духоты, то ли от страха перед тем, что может сейчас произойти.

Армандо стоял с закрытыми глазами, неподвижный, как памятник самому себе. Было ясно, что он таки умрет за родной клуб, но не сделает и шагу назад.

Тогда Силвио снова сунул револьвер за пояс и крикнул, что сейчас переедет Армандо. Тот продолжал стоять, закрыв глаза с распахнутой на груди рубахой.

«Считаю до трех!» – предупредил Силвио.

Армандо стоял.

Раз! Два! Три!..

Силвио скомандовал водителю, мотор взревел, автомобиль медленно двинулся на Армандо, толкнул его, бросил на тротуар, надвинулся... Задавил?! Нет, Армандо схватился руками за бампер и, истекая кровью, тащился под кузовом, болтаясь из стороны в сторону, но, слава богу, уклоняясь от колес, которые так и не переехали его.

Подбежавший со всех сторон народ прекратил этот поединок, в котором один готов был убить, а другой – умереть во имя любимого клуба.

Таким становился накал футбольных страстей. И никого уже не удивляло, казалось вполне естественным, когда умиравший от туберкулеза водитель такси Мелкиадис, всю жизнь болевший за маленький клуб северной зоны Рио «Андараи», попросил пришедших проститься с ним родных и друзей: «Когда повезете мое тело на кладбище, пускай катафалк два раза объедет вокруг нашего стадиона». Пожелание Мелькиадиса было выполнено. Так же, как и последняя просьба болельщика «Сантоса» Жозе Жоакина Маркеса, который еще в молодости сменил жилье только для того, чтобы поселиться поблизости от «Вилы Бельмиро» – стадиона любимого клуба, где он не пропускал ни одного матча. Так, в страданиях и радостях, в неразрывной связи с любимым клубом прошла вся его жизнь...

И однажды после тяжелого сердечного приступа, чувствуя, что неотвратимо близится последний час, 87-летний Жозе прошептал супруге, с которой к тому времени прожил в любви и согласии 64 года: «Котинья, радость моя! Поверни, пожалуйста, меня так, чтобы лицо мое было обращено к «Виле Бельмиро». Хочу уйти, глядя на наш «Сантос»...

Первая шаранга

Рано или поздно такие страсти и столь горячая преданность родному клубу должны были привести к неизбежному и естественному организационному объединению всех этих людей, готовых убить или умереть за свой «Фла» или «Триколор», «Ботафого» или «Васко», «Палмейрас» или «Коринтианс». И первым шагом в этом направлении стал удивительный для того времени и совершенно обычный для сегодняшних дней поступок болельщика «Фламенго» Жайме де Карвальо.

11 октября 1942 года перед началом матча своей команды с «Флуминенсе» он вышел на поле вместе со своей супругой доной Лаурой, подняв над головами красно-черный плакат с ярко-белыми буквами: «Avante, Flamengo!» («Вперед, Фламенго!»). Поскольку это произошло на стадионе «Флуминенсе» в Ларанжейрас, где преобладала «вражеская» торсида – поклонники «рисовой пудры», трибуны разразились протестующим свистом. И в этот момент вдруг оглушительно грянула «шаранга» – самодеятельный оркестр, тоже приведенный Жайме на этот матч. А поскольку в его составе преобладали ударные инструменты и трубы, свист «трехцветных» был безжалостно задавлен. Это так понравилось «красно-черным», что они с тех пор на всех матчах любимого «Менго» стали появляться с «шарангой» и плакатами, приветствующими любимый клуб.

Итак, родоначальником первой *организованной* торсиды стал именно «Фламенго» – самый популярный бразильский клуб, торсида которого так многочисленна, так велика, что его поклонники утверждают: «Где бы «Менго» ни играл, он всегда чувствует себя хозяином поля, ибо всегда и везде – от Рио до Токио, от Бразилии до Исландии – его окружает любовь торсиды». И потому вполне логично, что именно торсида «Менго» первой сорганизовалась, первой появилась на стадионе не как разнокалиберная, анархическая толпа, а как организованная масса, как сплоченный отряд болельщиков, ведомый командирами, скандирующий, ликующий и вибрирующий под звуки и ритм своей «шаранги» или «батарей».

Этому примеру тут же последовали болельщики других клубов. А чтобы этой стихии поклонения и жертвенности придать какие-то осознанные и четкие формы, вскоре в недрах торсид родились и избираемые на собраниях и ассамблеях исполнительно-директивные органы: президенты, вице-президенты, директора, члены правления. Торсиды обзавелись департаментами, службами и отделами.

Вы спросите: «Какие еще отделы?»

Отвечаю: финансовый, ведающий сбором членских взносов, коммерческий, занимающийся контрактами с заинтересованными фирмами и властями, заказывающий «фирменные» футболки, значки, флажки, эмблемы... Пропагандистско-рекламный, ведающий распределением среди болельщиков, отправляющихся на очередной матч, плакатов, флагов, транспарантов, петард, ракет, мешочков с пудрой (у торсиды «Флуминенсе»).

Естественно, появились у организованных торсид и руководители оркестров и «батарей», и свои юристы, помогающие разобраться с полицией в учащавшихся случаях обострения страстей, свои администраторы, премирующие самых старательных торседорес бесплатными билетами на матчи любимого клуба и организующие коллективные выезды торсиды на поединки в другие города и штаты на специально арендованных для этого автобусах, а впоследствии и чартерных авиарейсах.

Сейчас такие поездки болельщиков за любимым клубом или за сборной стали во всем мире делом обычным, никого не удивляющим. Британские «хулс» «Арсенала» или «Челси» еще совсем недавно наводили трепет на полицию и директоров стадионов европейских стран, болельщики «Спартак» отправляются за любимым клубом в Питер или Исландию. Сколько таких фанатов едет за любимым клубом в другой город или страну? Две-три сотни?

Тысяча? Пять или десять тысяч? А знаете ли вы, что бразильцы и тут поставили удивительный и убедительный рекорд?

Самое мощное из таких перемещений торсиды на матч любимой команды было отмечено 5 декабря 1976 года, когда более 70 тысяч болельщиков «Коринтианса» отправились из Сан-Паулу в Рио, чтобы поддержать свою команду в полуфинальном матче национального чемпионата против «Флуминенсе»! Семьдесят тысяч «гостей» на трибунах стадиона!

Невероятно, но факт: из 146 тысяч присутствовавших в тот день на «Маракане» болельщиков ровно половина были «коринтианос» из Сан-Паулу! И опровергая давнее категорическое футбольное поверие: «Торсида матч выиграть не может!», паулисты столь мощно вдохновили свою команду, что, сыграв в основное время вничью (1:1), «Коринтианс» все-таки вырвал победу по пенальти 4:1!

Но, увы, перенесенное на «Маракане» сверхнапряжение столь дорого обошлось и торсиде, и команде, что спустя неделю в финале «Коринтианс» проиграл «Интернационалю» 0:2, и после этого «коринтианос» пришлось целых четырнадцать лет ждать первой победы в чемпионате страны в 1990 году!

«Fiel» означает «преданная»

Впрочем, ожидание победы для «коринтианос» дело привычное. Однажды им пришлось ждать победы любимого клуба в чемпионате Сан-Паулу целых 22 года. Или, если уж быть совсем точным, 22 года 8 месяцев 7 дней 4 часа и 36 минут! С такой скрупулезностью был подсчитан местными статистиками срок, отделявший победный гол в чемпионате 1954 года (завоеванном, правда, 6 февраля 1955-го) от гола, принесшего следующую победу и забитого 13 октября 1977 года...

Нет, вы вдумайтесь в эти цифры: 22 года торсида «Коринтианса» ожидала победы своего клуба в каком-либо из чемпионатов или турниров! Двадцать два года! За эти два с лишним десятилетия неузнаваемо изменились и страна, и мир. Пришел в большой футбол и ушел из него великий Пеле, успев забить более тысячи двухсот голов (в том числе немалую толику из них в ворота «Коринтианса»!). Трижды бразильцы становились за это время чемпионами мира. В стране тем временем был свергнут демократический режим президента Гуларта, и власть захватили генералы, двадцать лет со скучной регулярностью сменявшие друг друга в президентском дворце. Менялись эпохи, мир стал иным, а «коринтианос» все ждали и ждали победы!

Не случайно, видать, один из самых верных поклонников этого клуба поэт и композитор Жилберто Жил сказал однажды: «Быть коринтиано – значит решить для себя, что каждый год ты будешь страдать».

Да, именно это чувство – страдание – является определяющим, когда речь заходит об «алвинегрос» – «черно-белых», как называют себя фанаты «Коринтианса», которые за все свои долголетние и нескончаемые страдания, за долготерпение и верность любимому клубу назвали сами себя, свою торсиду, крупнейшую в самом крупном штате страны Сан-Паулу и вторую по численности в стране после «Фламенго», трогательным и точным словом: «Fiel» – «Верная» или «Преданная».

Я бывал в гуще разных торсид, общался с их лидерами и с рядовыми фанатами. С теми, не слишком многими, кто приходит на «Маракану» или «Пакаэмбу», чтобы просто насладиться игрой. И с теми (их большинство), кто без лишних раздумий отдается своей страсти, кто ликует и рыдает, кричит и падает в обморок, танцует и лезет в драку, запускает петарды и в самозабвенном реве скандирует слова любви или ненависти. И прихожу к убеждению, что, пожалуй, правы те, кто считает: «Fiel» – это что-то особое, что-то отличающееся от остальных торсид и фанатов. Что-то загадочное для постороннего глаза. Даже по сравнению с общепризнанно самой главной, самой шумной, самой многочисленной в стране, а может быть, и в мире, торсидой «Фламенго».

Летописец и страстный, до полной потери себя фанат «Коринтианса» Жука Кфури – один из лучших футбольных журналистов и автор мемориального альбома «Коринтианс – страсть и слава», заметил в этом своем монументальном труде интересную особенность: оказывается, самые великие идола «черно-белой торсиды» не обязательно являются самыми лучшими игроками команды. Прежде всего они должны получить признание как символы клуба, как воплощение его особых качеств, как олицетворение самых выдающихся достоинств того, что принято гордо называть «*Коринтианская нация*»!

Да, да, именно так, особой нацией, со своим характером, со своими неповторимыми чертами, традициями, привычками считают себя «коринтианос». Один из величайших бразильских поэтов XX века Винисиус де Мораис убежден, что для «Fiel» физические данные игрока, красота его игры и совершенство его облика никогда не были чем-то первостепенным, существенным. Наоборот, подавляющее большинство идолов этой торсиды отлича-

ются внешностью, которую можно было бы назвать «лицом бразильского народа». То есть это парни не слишком приметные, среднего роста, в большинстве своем – негры или мулаты.

Продолжая эту мысль, можно прийти к выводу, что именно страдание является той чертой, которая роднит «алвинегрос» с бразильской нацией в целом. С народом, который привык к страданиям, к долготерпению, к мукам вечного ожидания перемен к лучшему в своей судьбе, перемен, которые, увы, почти никогда не приходят...

Именно это, видимо, имел в виду кардинал Сан-Паулу дон Пауло Эваристо Арне, когда в октябре 1977 года обратился со специальным трогательным «Посланием к коринтианскому народу», в котором говорится: *«Коринтианс» – это символ народа, который не достигает цели. Народа, который страдает от всех разочарований, как самых реальных, так и тех, которые привиделись в его мечтаниях. Народа униженного. Народа, который борется с трудностями и знает, что нужно уметь и быть способным начать все сначала. И действительно начинает!*

Я уверен, – пишет далее кардинал, – что победа «Коринтианса» должна привести нас к самым главным жизненным победам. И приведет! Мы всегда верим в приход новой эры, которая близится, которая наступит для народа, с участием народа и будет создана самим народом».

Вот к каким социально-философским обобщениям и размышлениям приводит нас рассказ о торсиде и торсидах!

Размышляя над этим парадоксальным посланием духовного пастыря, Жука Кфури развивает его мысли: победы «Коринтианса» не ограничиваются футбольными матчами, выигрыванием какого-то чемпионата. И потому быть чемпионом – это славно, но отнюдь не может считаться чем-то абсолютно необходимым, жизненно неизбежным. «Коринтианские победы» обретают всегда какое-то новое (непонятное «некоринтианцу») качество: они вызывают жажду иных побед, куда более значимых, побед, которые ведут людей к свободе...

Отсюда, возможно, станут понятными и разговоры о том, что «Коринтианс» – это «состояние души». Это – выше, чем победа. Это – страсть, накал которой совершенно не зависит от того, является ли «коринтиано» и его команда чемпионом или нет.

Видимо, именно этим объясняется одна из неповторимых и нигде более не встречающихся особенностей торсиды «Коринтианса», на которую обратил внимание великий Сократес, один из кумиров этой торсиды: ее заметная политическая ангажированность. Именно в недрах этой торсиды и этого клуба зародился в начале восьмидесятых годов удивительный для бразильского футбола феномен, который получил прозвище «Коринтианская демократия» («Democracia corintiana»).

Родилась она с появлением в клубе между тренерами и игроками редкой в профессиональном футболе атмосферы взаимного доверия. Игрокам стали разрешать отправляться по домам перед матчами: тренеры знали, что никаких «излишеств» и нарушений режима допущено не будет.

Потом тренеры начали советоваться с игроками при определении тактических схем игры, игровых заданий на предстоящий поединок. Даже приглашение в этот клуб вратаря Леао решалось голосованием игроков!

И, видимо, потому в недрах именно этой торсиды стало зарождаться сначала глухое, а потом и заметное, активное сопротивление военному режиму и требование немедленного проведения прямых президентских выборов: «Diretas já!», которое вскоре с энтузиазмом было подхвачено всей страной. Это был, насколько мне помнится, первый и пока единственный случай прямого и открытого участия футбольного клуба и его торсиды в политической борьбе за демократизацию страны.

Любопытный факт: придя в этот клуб в разгаре своей футбольной карьеры, будучи уже знаменитым мастером, достигшим великих побед, Сократес (видимо, из духа противоречия)

с вызовом заявил, что никогда не считал себя его поклонником, никогда не был убежденным «коринтиано».

Поиграв в нем несколько лет, он сказал: «Если бы я получил возможность прожить свою жизнь еще раз, и при этом мне было бы предложено изменить в ней что-нибудь, я предпочел бы родиться здесь, в парке Сан-Жорже, в колыбели «Коринтианса». Потому что теперь я – «коринтиано» до самой смерти».

И объяснил, почему это так: «Играть в «Коринтиансе» – ни с чем не сравнимо. Я говорю со знанием дела, ибо играл также и за «Фламенго», торсида которого еще сильнее и точнее выражает национальный характер бразильцев, чем «коринтианос», хотя она в Рио не так мощна, как торсида «Коринтианса» – в Сан-Паулу.

Все время, пока я играл в «Коринтиансе», я должен был постоянно контролировать себя, свои эмоции, не позволять себе быть увлеченным, захваченным нервом торсиды. Если этого не сделать, то ты окажешься подавленным, утонувшим в этих эмоциях. Я, например, не стал таким прекрасным игроком, каким был Ривелино. Но в «Коринтиансе» я сыграл лучше, чем он. Ибо я заставлял торсиду думать. Она плакала, она улыбалась, она кричала, содрогалась, но прежде всего она думала! Мы заставляли ее думать, мы обменивались информацией. Потому что великая сила торсиды «Коринтианса» заключается в эмоциях, которые она вселяет в команду, это что-то такое, чего не имеет никто больше».

Элиза и Бенедито

Впрочем, «никто больше», никакая иная торсида не дошла и до еще одного парадокса, рожденного загадочной душой великой «коринтианской нации»: несколько десятилетий президентом «Фиэль» была женщина по имени Элиза. Женщина во главе торсиды! Вы можете себе это представить? Такое возможно только в Бразилии!

Когда-то в конце шестидесятых меня познакомили с ней. Миловидная полненькая брюнетка, без какой бы то ни было фанаберии или провинциального фанатизма. Но с глубокой убежденностью, читавшейся в глазах, в каждом слове и в каждом жесте: «Важнее и дороже нашего клуба нет и не может быть ничего на свете!»

– Элиза, – спросил я ее, – но объясни мне, пожалуйста, почему в этой стране, где мужики привыкли командовать и распоряжаться абсолютно всем, они терпят тебя как лидера торсиды?

– Это надо спросить у них, – смеясь, ответила она, кивнув головой на трибуну стадиона. И добавила с той же, чуть беззаботной и слегка самодовольной улыбкой: – Я доказала, что умею быть преданной клубу!

Да, она это доказала хотя бы в тот день, когда в одной из жарких и зубодробительных схваток с соперниками из другой торсиды (она не смогла, не захотела остаться в стороне от драки) ей сломали предплечье левой руки. Едва ей наложили гипс, Элиза тут же начала организовывать торсиду на очередной матч и через два дня появилась на трибунах во главе «Фиэль», которая встретила свою любимицу бурной овацией. Такой же, какой встречали в то время выходящего на поле лидера атак «Коринтианса» – стремительного и неудержимого Пауло Боржеса.

Говоря о «Фиэль», нельзя, конечно же, не вспомнить и еще одного ставшего легендарным «коринтиано» – Бенедито Педросо дос Сантоса. Этот человек, закончивший факультет журналистики, работавший в сан-паулуском корпункте издательства «Британская энциклопедия» и периодически выступавший с фортепианными концертами, несмотря на обилие интересов, всю свою жизнь старался не пропустить ни одного матча любимого клуба. По крайней мере из тех, что игрались в родных стенах, в Сан-Паулу. Сидя на архибанкаде под солнцем или дождем всегда в черных очках, плотно прижимая к уху транзистор, из которого лился репортаж, Диди, как прозвали Бенедито друзья, в унисон со всей многотысячной «Фиэль» ликовал и страдал, хвалил или ругал игроков и тренеров, кричал и даже обсуждал удачные и провалившиеся комбинации...

При этом Диди... был слеп от рождения!

И попробуйте же представить себе, уважаемый читатель, сколь велика была у этого человека любовь к футболу и сколь сильна преданность любимой команде! И желание быть в гуще единомышленников и друзей-«коринтианос». И сколь чарующим, сладостным, хотя и не всегда до конца понятным, было для него погружение в этот невидимый, но восхитительный мир футбола, «Коринтианса» и «Фиэль», который он воспринимал только через голоса радиокomentаторов и рассказы друзей!

Не то, что нынешнее племя

Одна из самых интересных особенностей бразильской торсиды – страсть к историческим экскурсам. Постоянная готовность заглянуть в прошлое и черпать там вдохновение и материал для анализа событий сегодняшнего дня. Такое, впрочем, свойственно не только бразильцам. Разве мало, к примеру, у нас любителей с наслаждением повспоминать о незабываемых крученых корнерах Валерия Лобановского, о головокружительных финтах Михаила Месхи, о пушечном ударе Александра Пономарева или рывках Всеволода Боброва? Разве кто-либо из наших фанов старшего поколения удержался бы от соблазна порассуждать, что было бы, если бы капризная судьба и суровые власти не тормознули бы Стрельца перед чемпионатом мира 1958 года, и он получил бы возможность помериться в Швеции силами с юным Пеле?

Однако, думаю, нигде в мире этой страсти не отдаются столь самозабвенно и вдохновенно, как в Бразилии.

Есть в этой стране особый тип фаната, привыкшего копаться в футбольных делах давно минувших дней. Его всегда можно встретить в баре или кафе, на уличном перекрестке или на пляже, на футбольной трибуне или в переполненном салоне автобуса, словом, в любой точке страны, где заходит речь о футболе. Где скрещиваются копы в спорах о том, какие команды выйдут в финальный турнир нынешнего национального чемпионата или кого Флавио Коста, Феола, Теле Сантана, Паррейра, Загало или Сколари призовет на очередной матч сборной. И сколько бы ни спорили участники подобных дискуссий о сравнительных достоинствах «Фламенго» или «Флуминенсе», «Гремио» или «Интера», «Сан-Паулу» или «Коринтианса», сколько бы ни восторгались они пушечными ударами Ривалдо или неудержимыми рывками Роналдиньо, обязательно рано или поздно в разгар спора подаст голос седеющий скептик с изжеванной сигаретой в зубах: «Ривалдо? Он, конечно, ничего. Прилично играет. Смотреть можно. Но его удар?.. Нет это не тот удар, какой был у Деламара. Вот где был настоящий удар. Удар с большой буквы! Сегодня таких ударов уже не увидишь».

После этого скептик вздохнет, отхлебнет пива и в наступившей уважительной тишине начнет вспоминать о том, как легендарный Деламар отрабатывал в «Ботафого» свои знаменитые неберущиеся мячи. Как собирал мальчишек со всей округи, приводил их на стадион «Женерал Севериано», точнее сказать – на футбольное поле, ибо стадиона в нынешнем понимании этого слова тогда, при Деламаре, на улице Женерал Севериано еще не было. И после окончания тренировки, когда усталая команда уходила в душевую и на массаж, Деламар расставлял мальчишек за воротами и начинал бить.

Ах, как он бил! Нет, это надо было видеть, как он бил! Некоторые из посланных им мячей перелетали через ворота, через трибуну, через забор стадиона, через две идущие за забором ленты автострады Лауро Мюллер и оказывались в университетском саду напротив!

И тут все присутствовавшие непременно также вздохнут, потому что хорошо помнят расстояние от футбольного поля на улице Женерал Севериано до университетского сада. И потому, хлебнув по глотку пива и заказав еще по одной кайперинье, согласятся, что действительно сейчас таких ударов ни у кого нет...

«И никогда не будет!» – добавит какой-нибудь скептик. И вспомнит знаменитую историю с Деламаром, когда он в 1911 году врезал по физиономии Габриэлю де Карвальо из «Америки» за то, что тот начал охотиться за Флавио Рамосом и несколько раз ударил Флавио по ногам. И когда пытавшаяся бороться с насилием на полях футбольная лига отстранила за этот поступок Деламара от игр на весь сезон, то его клуб «Ботафого» в знак солидарности со своим форвардом вышел из розыгрыша и покинул лигу!

И тут все вскочат на ноги и закричат, что такое уважительное отношение к игроку, такая забота о нем были возможны только в те давние времена. Когда клуб еще был большой семьей, где все были равны и равнозначны... И руководители клуба не были отравлены погоней за прибылями, не плели интриг, не строили козни, а уважали и почитали своих игроков.

И кто-то обязательно подхватит эстафету воспоминаний о других легендарных героях вчерашних дней, навсегда оставшихся в благодарной памяти торсиды. О рыцаре футбола Мими Содре, самом честном футболисте в истории Бразилии. «И всего мира!» – категорически добавит кто-нибудь.

И все сразу же согласятся: да, другого такого не было, нет и никогда не будет ни в одной стране мира! В наш век грубости, подлости, драк, подножек, ударов в спину Мими Содре умер бы от стыда. И наверняка бросил бы футбол в знак протеста!

И если вдруг найдется среди экзальтированных спорщиков какой-нибудь юнец, который ничего не знает о Мими Содре, ему тут же расскажут, что это был крошечный, юркий, до невероятия элегантный форвард из того, самого первого, состава «Ботафого», который завоевал чемпионское звание в 1907-м, а потом и в 1910 году. Мими! Ах, Мими! В самой острой голевой ситуации, когда мяч попадал ему в руку, или он видел, что кто-то из его товарищей сыграл рукой, он мгновенно останавливался, замирал и вскидывал вверх руку, превращаясь в подобие бронзового изваяния. Что-то вроде памятника самому себе.

«Рука! У меня была рука!» – означал этот жест: поднятая рука Мими с вытянутым к небу пальцем. Нет, не пальцем, а крохотным пальчиком, как у гнома из диснеевской «Белоснежки». И судья, заметив этот пальчик, даже если он не видел, что Мими или кто-то там еще сыграл рукой, сразу же свистел и назначал штрафной. Если бы в те годы существовал приз «фэйр-плей» за честную игру, Мими стал бы его первым лауреатом. Сомнения в том нет.

А затем, перебивая друг друга, участники этой футбольной посиделки вновь начинают вспоминать великие удары.

– «Мараньон», например, – крикнет заскочивший в бар пропустить рюмку перед очередной вахтой ночной сторож из соседнего банка. – Вот это был удар! Его изобрел доктор Рауль Баррето де Альбукерке Мараньон. – То есть тогда он еще не был доктором, он был студентом. Доктором он стал потом. А тогда он был просто Мараньон из «Бангу».

– Не только из «Бангу», – поправит тут же негр-чистильщик ботинок, приютившийся со своей нехитрой аппаратурой у игрового автомата с тускло мерцающими на экране фигурками футболистов. – Из-за этого его замечательного удара Мараньона переманивали к себе несколько клубов. Он играл и за «Риашуэло» и за «Мангейру». Сейчас этих команд уже нет, а память о Мараньоне осталась.

– А что же это был за удар такой? – поинтересуется кто-то из более юных собеседников.

– О, это был удар смертельный. В смысле силы. Мараньон играл в защите и в трудную минуту, разряжая обстановку у своих ворот, отправлял мяч свечой вверх. Мяч уходил в небо с такой страшной силой, что превращался в крохотную точку где-то под облаками. Казалось, исчезал в голубизне неба. И потрясенные трибуны замирали, ожидая, чем же это кончится. А потом мяч низвергался сверху вниз с такой же силой, с какой он взлетал к небесам. Это было как удар молнии, как раскат грома, как свист торнадо. И игроки, свои и чужие, разбегались в стороны, никто не мог его принять и усмирить, этот мяч, отправленный в небеса Мараньоном и вернувшийся на грешную нашу землю.

И аудитория вновь уважительно замолкала, переваривая информацию. Даже если кто-то и усматривал тут некоторую гиперболизацию и склонность рассказчика к поэтическим метафорам, все равно все молчали, воздавая дань уважения великим предкам. Тем более что сейчас никто и никогда уже не попытается повторить такой удар. Ведь сейчас, со всеми этими новомодными теориями насчет взаимодействия линий и необходимости для защитника либо самому выходить с мячом вперед, либо точно пасовать его партнерам, с такими

теориями и концепциями удар «мараньон» обречен на вымирание. Послать мяч к облакам сегодня не решится никто. Ни Роберто Карлос, ни Ромарио, ни Роналдиньо. На такое был не способен даже король Пеле.

– Ну а «чарльз»?! – подхватит тему старичок, давно уже дымящий толстой сигарой в самом углу бара близ занавески, прикрывающей вход в туалет. – А кто, скажите мне, сможет сейчас исполнить «чарльз» так, как его делал сам Чарльз Миллер? Мне об этом рассказывал отец!

И хотя, кроме отца ветхого старичка, никто из присутствующих не видел и не мог видеть живьем Чарльза Миллера, игравшего в самом начале прошлого века, все молчаливо согласится, что сейчас с такой элегантностью никто «чарльз» исполнить не сможет.

А родился этот прием почти одновременно с рождением бразильского футбола. И родился случайно. Где-то в одном из первых матчей чемпионата Сан-Паулу 1902 года. Потому и не осталось уже свидетелей того любопытного эпизода: оказавшийся в страшной толчее игроков и уже совсем было потерявший контроль над мячом Чарльз Миллер вдруг споткнулся, чуть не упал, промахнулся мимо мяча, пытаясь ударить по нему. Но спустя секунду, когда удалось сохранить равновесие и нога пошла обратно, нечаянно и неловко ударил, точнее сказать, ткнул его пяткой назад. И по счастливой случайности мяч попал на ногу своего же рванувшегося к воротам соперника игрока.

Зрители, столпившиеся вокруг, рассмеялись: уж больно удачно это получилось. И Чарльз Миллер через пару минут уже сознательно повторил этот удар пяткой назад. И снова народ возликовал. Сюрприз для соперников и счастливый случай для своих. С тех пор удар этот и стал называться «чарльз». В отличие от «мараньона», им и сегодня пользуются довольно широко, но попробуйте утверждать, что кто-нибудь исполняет его лучше Чарльза Миллера!

– Ну а «баррозо»? – воскликнет протирающий стаканы буфетчик. И тут же бросит полотенце на стойку бара и зажмурится с наслаждением, словно созерцая этот восхитительный прием.

– Еще бы! – с готовностью откликнутся все присутствующие. Как же, как же! Удар «баррозо»! Знаменитый удар внешней стороной стопы, пугающий защитников и повергающий в панику вратарей. Впоследствии он превратился в «сухой лист», тот знаменитый удар, прославивший Диди. Тот самый «сухой лист», каким Диди забил первый гол в истории «Мараканы» в июне пятидесятого года в матче сборных Рио и Сан-Паулу. А потом, в пятьдесят седьмом, тот же Диди тем же ударом вывел Бразилию в финал чемпионата мира в отборочном матче с командой Перу.

И каскад подобных ностальгических восклицаний будет завершен обязательным напоминанием, что все-таки первый «сухой лист» был исполнен не Диди, а Рубенсом Салесом. И случилось это, когда Диди еще и на свете-то не было: в 1914 году в первом же матче сборной Бразилии со сборной Аргентины в Буэнос-Айресе на Кубок Рока. Это был единственный в том поединке «наш» гол. Который принес первую победу в долгом, продолжающемся до сих пор и никогда не утихающем споре двух великих футбольных держав.

– Ну, а «бисиклета»? – устало спросит зашедший пропустить рюмочку по дороге домой репортер светской хроники, собирающий в близлежащих к своему дому барах добрую половину информации для ежедневных колонок. – А «бисиклета»? Не станете же вы утверждать, что ее изобрел не Леонидас, а кто-то другой?

И замолчит, оглядывая всех с видом картежника, держащего в руках полный «стрит» и предвкушающего верную и неминуемую свою победу.

Тут все уважительно замолчат и закивают головами. Потому что двух мнений здесь быть не может: «бисиклету» («велосипед») – удар в падении на спину через себя – действи-

тельно изобрел Черный Диамант Леонидас, великий идол тридцатых годов, с которым никто не мог сравниться.

– По крайней мере, до появления Пеле, – скажет кто-то вполголоса, словно размышляя вслух.

– И Гарринчи, – добавит бармен со вздохом.

И все кивнут головами, отдавая дань уважения великим именам Гарринчи и Пеле, Леонидаса и Рубенса Салеса, Чарльза Миллера и Мими, Мараньона и Баррозо. Вспомнив с легкой и сладостной ностальгией великие удары, финты и приемы.

...Так это происходит в Бразилии. В Рио и Сан-Паулу, в тысячах других больших и малых городов и крошечных селений этой гигантской страны. Я был десятки раз либо невольным свидетелем, либо участником таких дискуссий и дружеских перепалок, в финале которых все мы всегда приходили к чуть грустному выводу: «Да, были люди в наше время...»

Ну а мы, россияне?... Разве мы не любим вспоминать наших героев вчерашних дней? Федотова или Стрельца, Бобра или великого Льва Ивановича?

А Антон Кандидов, он что, существовал только в изоциренном воображении любимого писателя? А сотни иных кумиров, потрясавших воображение наших отцов и дедов и сегодня постепенно уходящих из памяти наших сыновей и внуков? Мы тоже слагали легенды и рассказывали то ли сказки, то ли были. Помню, как в сороковых годах в Запорожье, сидя за дырявой сеткой расшатанных ворот стадиона «Металлург», мы, мальчишки, слушали от более взрослых парней рассказы о великих басках и геройски противостоящих им спартаковцах. О ком-то, кто однажды ударом с лета сломал штангу ворот, а в следующем матче еще более страшным ударом убил вратаря. Об этом доложили товарищу Сталину, и великий вождь, строго покачав головой, запретил ему отныне и до века бить правой ногой.

И тогда появилась песенка, в которой были такие слова:

*С левой он всегда ломает штанги,
С правой – бить ему запрещено.*

«Ястребы» и «Мушкетеры» под грохот «батарей»

Стремительное разрастание торсид привело к тому, что они начали делиться и дробиться на всевозможные более или менее солидные по количеству болельщиков автономные формирования и группы, каждая из которых организационно оформлялась, выбирала своего президента, свои руководящие органы. У того же «Коринтианса», например, в рамках «Фиэль» появились теперь «Ястребы», «Футболка номер двенадцать», «Сердце Коринтианса», «Мушкетеры Фиэль», «Молодая Сила» и еще несколько подразделений со столь же экзотическими именами.

От многотысячной торсиды «Фламенго» отпочковалась в 1981 году «Красно-черная Фаланга» (ее президент, 27-летний учитель истории Марсело Паулиньо, взял это название из древнеримской истории), затем появились: «Фла-12», «Молодой Фла», «Красно-черная Раса» и зловещее слово «Урубубу». (Так зовут питающегося падалью стервятника.) Возникновение этой фракции в торсиде «красно-черных» связано с весьма любопытным эпизодом.

Однажды, когда «Фла» в очередной раз оказалась в долгом провальном периоде, не выигрывая ни одного серьезного турнира и проигрывая один матч за другим, кто-то из болельщиков принес на стадион живого стервятника, подстриг ему крылья так, чтобы птица уже не могла взлететь, и в разгар матча зашвырнул несчастное существо на поле. Подтекст этой обращенной к игрокам «Фла» акции был очевиден: «Вы настолько бездарны и беспомощны, что кажетесь дохляками! Самое время отправить вас на корм стервятникам!»

Под оглушительный свист торсиды перепуганный и нахохлившийся «урубубу» долго бегал по газону, увертываясь от ловивших его игроков. А затем сработала традиционная способность любой торсиды обращать неудачу в «викторию»: группа болельщиков назвала себя «Урубубу», подчеркнув тем самым свои, так сказать, природно-санитарные функции: уничтожать посредством пожирания как врагов любимой команды, так и тех в ее рядах, кто мешает успехам родного клуба.

Все эти фракции каждой торсиды организовано являются на матчи в футболках своего клуба, с флагами, плакатами, ракетами, оркестрами. Под грохот «батарей», «шаранг» и оркестров приходят задолго. Занимают каждая свое определенное место. Торсида «Фламенго», например, всегда оккупирует левую от ложи прессы половину гигантского кольца архибанкады «Мараканы», «Флуминенсе» – приходит всегда на правую. Среди болельщиков «Фламенго» крайние слева позиции занимает «Молодой Фла», затем – «Фаланга», после нее – «Фламенго-12» и так далее. Тщательно и любовно развешиваются на трибунах гигантские плакаты, флаги, лозунги. Причем с каждым годом, с каждым сезоном их размеры растут, и, помнится, в ноябре 2001 года на очередном «Фла» – «Флу» на «Маракане» я увидел, не веря собственным глазам, как торсида «трехцветных» растянула на поле перед матчем приветствующий свою команду плакат размером в половину футбольного поля! Перед выходом команд его скатали, унесли. А потом, по ходу игры, вдохновляя своих, несколько раз умудрялись каким-то образом разворачивать его и на «архибанкаде» – трибуне второго яруса, покрывая свой сектор, тысяч на двадцать человек, почти целиком! Что будет дальше – не знаю. Но могу предположить, что придет когда-нибудь момент, когда с неба с помощью вертолетов опустится и накроет всю «Маракану», вместе с полем, трибунами и зрителями плакат с надписью: «Вперед, дорогой «Менго!»

Весь матч торсида либо ликует, либо страдает. Но то, что мы видим и слышим у нас в «Лужниках» или на «Динамо» (даже если играет «Спартак» и его фаны дружно явились на трибуны со своими шарфами и дудками), так же не сопоставимо с тем, что происходит на «Маракане», как наш футбол не сравним с футболом бразильским...

Хотите – верьте, хотите – нет, но, по сделанным однажды специалистами замерам, шумовой эффект на этом крупнейшем стадионе мира в иные моменты превышает в децибеллах рев реактивного лайнера, идущего на взлет!

С давних пор торсиды играющих команд обязательно располагаются на противоположных сторонах трибуны. Между ними нет никакого непосредственного контакта. Ни до матча, ни во время, ни в процессе выхода со стадиона. Причем на крупнейших стадионах страны даже доступ на эти трибуны (эспланады или лестницы) – совершенно отделены и удалены один от другого. Таким образом, основные массы торсид соперничающих команд не соседствуют друг с другом, что предохраняет их от... понятно чего.

И с началом каждого матча на любом бразильском стадионе обязательно начинается война торсид, сидящих друг против друга. Они пытаются переорать, пересвистеть, перегромыхать соперников. У каждой есть свое фирменное блюдо. Торсида «Фламенго», помимо слаженного рева десятков тысяч глоток, издавна славится своими «шарангами», скомпонованными в основном из барабанов, тамбуринов и иных ударных инструментов и оглушающих своим грохотом не только стадион, но и прилегающие к нему городские кварталы.

Торсида «Ботафого», оправдывая название своего клуба (слово «Botafogo» буквально означает «Подбрось огня!» или: «А ну-ка, зажги!»), потрясает стадион и весь город многоцветными ракетно-петардными фейерверками.

Торсида «Флуминенсе», как я уже упомянул, в момент выхода на поле своей команды швыряет в небо тысячи небольших бумажных мешочков с рисовой пудрой.

Забитый командой гол повергает ее торсиду в экстаз и заставляет горестно умолкнуть население противоположной трибуны. Потом, спустя несколько минут, оправившись от шока и вытерев слезы, торсида-неудачница снова начнет подстегивать, подбадривать свою команду. Причем дело не сводится к одному лишь примитивному ору: «Вперед! Дави их! Дашь победу!» Нет, скандирование торсиды бывает обычно целенаправленным и конкретным. Помнится, тренера сборной Бразилии Теле Сантану торсида несколько лет «доставала» категорическим хором-призывом: «Vota ponta, Tele!» Что означало: «Поставь-ка крайнего форварда, Теле!» Наслаждавшиеся воспоминаниями о еще недавних выступлениях великих Гарринчи и Жаирзиньо болельщики упрямо не соглашались с принятой тренером тактической схемой игры в нападении без крайних нападающих.

К концу матча, если его судьба уже решена и преимущество одной из команд зафиксировано достаточно солидным разрывом в счете, торсида победителей запекает ликующий гимн «Подходит время!» и размахивает белыми платками, ехидно «прощаясь» с побежденными, а те начинают покидать трибуны задолго до финального свистка.

И нередко случается так, что принесенные с собой плакаты, флаги, транспаранты, а иногда и в отчаянии сорванные с тела футболки отправляются в гигантские костры, зажженные прямо на цементных трибунах в знак протеста и печали.

Бывают случаи и более серьезных «репрессий» по отношению к тем, кого торсида считает виновником поражения. В конце национального чемпионата 1996 года были перебиты уникальнейшие витражи, украшавшие штаб-квартиру вылетевшего во вторую лигу клуба «Флуминенсе». В 1998-м после постыдного провала «Фламенго» (0:5) от провинциальной команды «Витория» в Байе штаб-квартира «красно-черных» близ озера Гавеа в Рио была не только забросана камнями, но даже и обстреляна!

А сколько раз случались набеги разъяренных фанатов на квартиры и дома неудачников: тренеров и футболистов! После поражения на чемпионате мира 1966 года в Англии был разгромлен в Сан-Паулу дом тренера сборной Висенте Феолы, его семью спасла полиция, а сам он предпочел несколько месяцев отсидеться за пределами страны, ожидая, пока не утихнут страсти.

По мере того как футбол занимал все более важное место в жизни бразильцев, авторитет и влияние клубов и их болельщиков начали стремительно возрастать. Политики и чиновники быстро сообразили, что поддержка торсиды означает более легкую, а иногда и верную победу на губернаторских или муниципальных выборах. Отсюда – постоянное стремление власть имущих к флирту с торсидами, к заискиванию перед их лидерами. (В Сан-Паулу считается, что после поста губернатора штата и префекта этого крупнейшего в Южной Америке города третьим по значению и по влиянию является пост президента «Коринтианса».) Для размещения штаб-квартир торсид стали наниматься помещения, сниматься в аренду дома. Словом, работа организованных торсид приобретала уже характер грандиозных общественных кампаний и была сравнима или даже превосходила по размаху деятельность политических партий.

И если эта в общем-то безобидная суeta и возня велась среди, так сказать, «номенклатуры» фанов, среди шефов торсид, то со временем в низах, в громадной массе рядовых болельщиков соперничество и взаимная враждебность накалялись все больше и больше. И все чаще и чаще между ними вспыхивали острые инциденты, все более непримиримой становилась атмосфера между соперниками: болельщиками, к примеру, «Фламенго» и «Флуминенсе» в Рио, «Коринтианса» и «Палмейраса» в Сан-Паулу, «Гремио» и «Интернационаля» в Порту-Алегре, «Крузейро» и «Атлетико» в Белу-Оризонте. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Иногда печальными, а случалось, и трагическими. Ведь если на трибунах торсиды разных команд, как я уже сказал, разделены надежными шеренгами полиции и по окончании матчей они спускаются с архибанкады по двум различным пандусам и не смешиваются, не пересекаются друг с другом, то... в городе-то их разделить невозможно! Рано или поздно они приходят в соприкосновение и тогда...

Время болеть и время умирать

24 марта 1994 года болельщики «Фламенго», бурно празднуя победу своей команды над «Ботафого», в одном из баров с радостным боевым кличем набросились на оказавшихся там «соперников». Началась перестрелка, два человека были убиты, четверо ранены.

23 октября того же года два молодых парня, одетые в футболки клуба «Сан-Паулу», были подвергнуты издевательствам группой болельщиков «Палмейраса».

19 февраля 1995 года два болельщика «Васко да Гамы», направлявшиеся на матч своей команды, погибли в вагоне пригородного поезда, обстрелянного враждующей торсидой.

Этот перечень можно было бы продолжать. Но закончу его упоминанием о трагедии, которая привела однажды к попытке обеспокоенных властей весьма кардинально укротить бушующие на трибунах страсти. 20 августа 1995 года по окончании матча молодежных команд «Палмейраса» и «Сан-Паулу» на стадионе «Пакаэмбу» вспыхнула грандиозная драка двух торсид. Побоище продолжалось недолго: семь минут. Но в нем участвовали несколько сот человек. В итоге один болельщик погиб, он был забит железной трубой, более сотни фанатов ранены.

После этого в коридорах власти разразился весьма шумный скандал. Даже конгресс попытался вмешаться и потребовал с докладом на одно из своих заседаний министра спорта Пеле. Вслед за этим местные власти приняли жесткие решения: запретить наиболее агрессивные торсиды, в частности, «Mancha Verde» («Зеленое Пятно» – это одно из формирований торсиды «Палмейраса»), «A Torcida Independente» («Независимая торсида клуба «Сан-Паулу»), позднее была также закрыта торсида «Gavioes de Fiel» («Верные ястребы клуба «Коринтианс»).

Закрытие не было формальным актом: болельщикам было категорически запрещено появляться на стадионе в футболках с эмблемами этих торсид, с их флагами и транспарантами. Были закрыты их штаб-квартиры и распущены руководящие органы.

Тогда же Пеле расценил такое решение как ошибочное. По его мнению, запрещение «организованных торсид» – не выход! Он сказал, что нужно более строго контролировать их, следить за их поведением, бороться с «излишествами», но не запрещать. Кроме того, Пеле заметил, что за лидерами торсид стоят иногда хозяева футбольных клубов, пытающиеся использовать их в своих интересах, для укрепления своего влияния в футболе.

Однако уже через несколько дней «запрещенные торсиды» ловко переквалифицировались, точнее сказать, загримировались, замаскировались, назвав себя «карнавальными блоками», и возобновили свою деятельность: сбор членских взносов, мобилизацию сторонников, организацию коллективных выездов на матчи.

Спустя еще год, 20 ноября 1996 года, во время матча «Флуминенсе» и «Атлетико» (Парана) на стадионе «Ларанжейрас» в Рио торсида «Флу» выбежала на поле и избила вратаря гостей Рикардо Пинто: с сотрясением мозга он был госпитализирован. (Кстати, спустя еще две недели «Атлетико» в своем последнем матче отдал победу одному из соперников «Флу», после чего «триколор», оказавшись на предпоследнем месте, был на следующий сезон впервые в своей истории отправлен во вторую лигу.)

В январе 1997 года перед открытием очередного чемпионата Рио-де-Жанейро футбольная федерация штата издала беспрецедентное для штата, да и для всей страны решение: если в Сан-Паулу была попытка запретить всего две из множества «организованных торсид», то здесь, в Рио, болельщикам всех команд было вообще запрещено приходить на стадионы в организованном порядке, с плакатами, флагами, лозунгами, транспарантами любимых клубов. Было запрещено даже появляться на трибунах одетыми в футболки клубов и организо-

вывать во время матчей какие-то группы. Это означало фактическое запрещение организованных торсид...

Разумеется, это решение вызвало яростное массовое неприятие среди болельщиков. И началась долгая борьба с полицией, в которой перевес был на стороне торсид. В самом деле, никакие силы не смогут достаточно надежно контролировать десятки тысяч людей, идущих на стадион. Флаги и плакаты не так уж трудно спрятать под одежду. Переодеться в красно-черную футболку «Фламенго» или трехцветную «Флуминенсе» можно ведь и непосредственно «на рабочем месте» – на архибанкаде.

О том, как она развивалась эта война, как функционировали «запрещенные» торсиды в новых, фактически нелегальных условиях, рассказал опубликованный в ноябре 1998 года в журнале «Ишто э» репортаж «Дракафутбол – клуб», оснащенный весьма выразительным подзаголовком: «Торсиды демонстрируют оружие и вновь приводят в ужас стадионы Сан-Паулу». Вот небольшой отрывок из него:

«Он не курит, не пьет, не прибегает к наркотикам. Ему 23 года, всю неделю он проводит на работе и в учебе (по вечерам) на частном факультете. В оставшееся время он ухаживает за девушкой, играет в футбол и ходит в танцзал в квартале Каза Верде в северной зоне города, где он и живет. Он – один из тех юношей, которые нравятся абсолютно всем. Приносит как донор свою кровь в госпиталь, угощает нищих едой и даже помогает старушкам перейти улицу. Любая теща хотела бы иметь именно такого зятя.

Но... им владеет неумемая и неконтролируемая страсть к «Палмейрасу». И больше того: к «Манча Верде» – запрещенной после драки в августе 1995 года «организованной торсиде» этого клуба. В дни матчей он полностью преображается:

– Я становлюсь другим человеком и не могу сдержаться. Если я вижу типа из торсиды соперников, то немедленно его атакую. И не даю спуска никому. Конечно, я не стану бить женщин, детей или стариков. Но для остальных у меня нет жалости.

Отправляясь на стадион, он думает о том, что может однажды и не вернуться домой:

– Я всегда говорю мамушке: «Если я погибну в день матча, то ты не волнуйся: я умру счастливым, потому что делаю то, что люблю».

К этим словам могли бы присоединиться два друга – 22-летний продавец Бетиньо и охранник Жаррао, которому 21 год. Они – активисты торсиды «Коринтианса» – «Верные ястребы».

– Я готов схватиться врукопашную с любым прямо на пороге моего дома. Каждый, кто появится передо мной в футболке чужого клуба, получит от меня по мозгам, – хвастается Бетиньо. (А он, кстати, является любителем «борьбы без правил».) Демонстрируя журналисту дубинки и металлические прутья, которыми он пользуется для выяснения отношений с «противниками», Бетиньо заключает: – Мне нравится драться, особенно – бить болельщиков «Сан-Паулу». Если кто-нибудь из них будет изуродован или даже убит, значит, так надо...

Прочитав откровения столь воинственных торседорес, психолог Пауло Гуаденсио размышляет: «Эти настроения не имеют с футболом ничего общего. Они просто служат оправданием для любого индивида, пытающегося исторгнуть из себя свою патологию. Футбол, таким образом, платит высокую цену, поскольку становится площадкой или полигоном, собирающим множество таких больных».

В такой причудливый коктейль смешиваются чисто футбольные эмоции, патриотизм фанов, безудержная и неконтролируемая любовь к этой игре, ставшая национальной страстью, и постепенно разрастающаяся страсть к насилию, у кого-то, может быть, врожденная, а у иных и «благоприобретенная». Родившаяся и окрепшая в уличных разборках, в столкновениях с полицией, в непрерывной погоне за деньгами, за достатком, за куском хлеба, за

женщиной. Но это уже выходит за рамки разговора о футболе. Это уже совсем другая история.

И все-таки, возвращаясь к тому, о чем идет речь на этих страницах, могу сделать категорический вывод: при всей оправданности самых суровых мер, предпринимаемых против насилия на стадионах или вокруг стадионов, нельзя не согласиться с Пеле: никакими чиновничьими решениями и постановлениями «закрыть» или «запретить» торсиды уже невозможно. Как невозможно закрыть или запретить сам футбол.

Глава 2. Клуб

Предварительные замечания

Понять психологию торсиды, настроения, пульс жизни, странные и подчас непривычные обычаи и формы поведения, способы выражения своих эмоций и проявления любви и преданности своему клубу можно только тогда, когда знаешь историю, традиции, особенности ведущих клубов этой страны, вокруг которых рождается, растет, формируется и живет торсида.

Что такое «футбольная команда», любой человек, интересующийся футболом, прекрасно знает и без помощи автора этой книжки: три-четыре десятка игроков, тренеры, администраторы, массажисты, врач, тактика игры, турнирная стратегия, купля «звезд», продажа «балласта» и так далее. Тут все ясно.

Ну а что такое «футбольный клуб»? Уверен, что многие отождествляют это понятие с футбольной командой. Но это далеко не так. Именно об этом, о том, что такое бразильский «футбольный клуб», я и собираюсь сейчас рассказать.

Во-первых, подчеркну, что это – именно КЛУБ: закрытое, элитарное сообщество людей, которые объединены общими убеждениями, взглядами, принципами. И которые тщательно оберегают свой мирок от проникновения в него лиц «другой группы крови», чуждых, «низких» по общественному положению, чужих по идеологии и по настроению.

Клубы существовали на Земле нашей вообще, и в Бразилии в частности, задолго до появления футбола. Клубы могли объединять людей по самым разным принципам. Клубы охотников, рыболовов или ценителей вин, ценителей красивых женщин или собирателей курительных трубок, клубы любителей парусных регат или конских скачек, гольфа или крикета. На базе этих спортивных клубов во многих странах на рубеже XIX–XX веков и возникали футбольные – тот же знаменитый бразильский «Фламенго», например. В Аргентине на основе созданного в 1887 году клуба «Химназия и Эсгрима», объединившего любителей гимнастики и фехтования, появился четырнадцать лет спустя одноименный футбольный клуб.

Другая питательная среда возникновения клубов вообще, и футбольных в частности, – эмигрантские землячества и сообщества, которые складывались в Южной Америке в ходе массовой эмиграции сюда людей из Европы и Азии во второй половине XIX – начале XX века. На базе итальянской общины Сан-Паулу возник клуб «Палестра», впоследствии переименованный в «Палмейрас». Англичане организовали в Уругвае «Клуб Атлетико Пеньярол», португальская колония в Рио-де-Жанейро основала клуб «Васко да Гама».

Ну а бывали и такие случаи, когда просто небольшое сообщество людей, горячо преданных футболу, объединялись и основывали клуб, который начинал свою долгую историю со всеми сопутствующими футбольному клубу не слишком частыми радостями и не очень редкими, но неизбежными горестями, а случалось, и страшными трагедиями.

В целом все бразильские «гранды» – клубы, создавшие себе имя и славу, обладающие командами, которые играют сейчас в первом дивизионе национального чемпионата, поставляющие более или менее регулярно игроков в сборную команду страны и в знаменитые европейские клубы – все они прошли схожий путь: от некогда элитарных закрытых сообществ до самых популярных (хотя далеко не всегда открытых и по-настоящему демократичных) общественных организаций этой страны.

Их бесспорная закрытость и элитарность сохраняется и до сих пор, что проявляется, в частности, в весьма высоких вступительных и членских взносах, а также в необходимости

для лиц, желающих вступить в них, заручаться солидными рекомендациями. Но все равно к футбольным клубам приковано сейчас постоянное внимание общественного мнения и всего населения страны, а посты президентов и членов правлений этих клубов являются весьма престижными в негласной табели о рангах, принятой в обществе.

И одной из самых типичных (и с точки зрения интриги рождения, и по набору «радостей», и по коллекции «горестей», и даже по случившейся совсем недавно трагедии) может быть названа история и судьба одного из самых известных в стране и старейшего в Рио – в июле 2002 года он отметил свое столетие – клуба «Флуминенсе», о котором я хочу рассказать поподробнее.

Правда, тут следует немного углубиться в историю и для начала упомянуть о том, что прежде чем в Бразилии возникли первые футбольные клубы, в стране царил довольно долгий период неуправляемой футбольной стихии. Едва ли не ровесник бразильского футбола, историк Лорис Баэна Кунья, симпатичный старичок, сухонький, но крепкий, с которым я познакомился в середине 90-х годов в Ассоциации бразильской печати, покопавшись в своих пухлых досье, сообщил, что самый первый в этой стране отмеченный историками и журналистами факт ударов по футбольному мячу был зафиксирован в 1890 году на севере страны – в городе Белеме, лежащем в устье Амазонки. Разумеется, это были еще не бразильцы: гоняли мяч англичане из компании «Амазон Штим Навигэйшн» и моряки одного из британских судов, пришвартовавшихся в местном порту. Известно также, что два года спустя некий англичанин мистер Хьюг гонял с товарищами мяч на пустырях города Жундиайи. В 1893 году инженеры (опять же британские), гарантировавшие функционирование железной дороги «Леопольдина», играли в футбол в часы отдыха на лужайке сквера Пайссанду в Рио-де-Жанейро. Были и другие версии, которые не всегда подтверждались документальными источниками. Например, Флориано Пейшото Корейя, ветеран «Сантоса», игравший в этом клубе еще в двадцатых годах, уверял, что первый футбольный матч на территории Бразилии состоялся в поселке Ита в штате Сан-Паулу еще в 1872 году, когда мяч погоняли во дворе местного колледжа его семинаристы.

Имеются и другие весьма зыбкие и недостоверные версии, но бесспорным и доказанным фактом остается возвращение в Бразилию Чарльза Миллера, сына англичан, живших во второй половине XIX века в Сан-Паулу и отправивших своего отпрыска обучаться на историческую родину предков. Оттуда он и привез футбольный мяч и комплект бутс и футболок, с помощью которых и организовал 14 апреля 1895 года официально считающийся первым футбольный матч между работавшими в Сан-Паулу англичанами из газовой и трамвайной компаний. Победили трамвайщики со счетом 4:2.

Вскоре начали создаваться и первые в стране футбольные клубы. Самый первый из них: «Sao Paulo Athletic Club» был основан (опять же целиком из англичан!) в 1896-м все тем же Чарльзом Миллером. Он и его друзья поначалу занимались футболом в гордом одиночестве: не было тогда еще какой-либо другой команды, с которой можно было бы сразиться первым энтузиастам этого спорта.

Вскоре, однако, в этом крупнейшем промышленном городе Бразилии появился со своим привезенным из Гамбурга мячом еще один столь же страстный, как британец Миллер, поклонник футбола: немец Ганс Нобилинг, основавший клуб «Hans Nobiling Quadro».

Вслед за пионерами – чисто футбольными клубами «Флуминенсе» и «Сан-Паулу атлетик» – начали появляться футбольные команды при уже давно существовавших клубах регат, крикета, гольфа. Потом стали создаваться и новые футбольные клубы. Футбол постепенно обретал популярность, число гоняющих мяч бразильцев быстро росло, несмотря на то, что в первые десятилетия своей истории бразильский футбол оставался занятием сугубо элитарным и доступ на те первые футбольные поля был напрочь закрыт громадному большинству населения страны.

Постепенно, уже в первом и втором десятилетиях XX века, в стране закладываются основы нынешней структуры ее футбольного хозяйства, рождается основная масса тех клубов, которые сохранились до наших дней и в которых появились все великие игроки, принесшие бразильскому футболу мировую славу.

Кого возят по железной дороге?

Итак, о жизни, заботах и проблемах бразильских футбольных клубов мы будем теперь говорить на основе и примере «Флуминенсе» или, как его ласково называет торсида, «Флу».

Основан он был в 1902 году. Правда, не менее знаменитый «Фламенго» отмечает в качестве своего «дня рождения» 15 ноября 1895 года. Но всем известно, что в тот ноябрьский день возник «Гребной клуб Фламенго». Именно – *«гребной»*. И только. А футбольная команда в нем появилась лишь в 1912 году. И, кстати сказать, только и исключительно благодаря «Флуминенсе», о чем речь у нас впереди.

Родоначальником футбола в Рио был первый президент «Флу» Оскар Кох, который вместе с братом Эдвином возвратился в 1901 году на родину из Швейцарии, где они учились в одном из университетов, и привез с собой футбольный мяч.

Именно он организовал первую футбольную игру в Рио 1 августа 1901 года, в которой встретились его друзья и члены английской колонии города. Закончившийся со счетом 1:1 поединок особого интереса не вызвал: количество зрителей – полтора десятка – было меньше численности обеих команд. Однако забава пришлась друзьям Коха по вкусу и, списавшись с Чарльзом Миллером в Сан-Паулу, Оскар организовал 19 октября первый выезд туда первых торседорес. Он даже попытался договориться с администрацией железной дороги о бесплатном проезде «спортивной делегации», но получил сухой ответ: «Железная дорога была сделана не для того, чтобы «за спасибо» возить бездельников и хулиганов».

Многие из участников того турне (были сыграны два матча, оба вничью: 1:1 и 2:2) и стали организаторами и первыми членами совета «Флуминенсе», учредительная ассамблея которого с участием двадцати гостей состоялась 21 июля 1902 года в особняке Орасио да Косты Сантоса по улице Маркес де Абрантес, 51. С того дня и ведут свой отсчет истории этого футбольного клуба.

А всего через месяц, 19 сентября, «Флуминенсе» сыграл свой первый матч с энтузиастами из «Рио-Крикет-клуба», учинив им жестокую «голеаду»: 8 сухих мячей! Еще через три месяца, 17 октября, была взята в аренду для тренировок шикарная поляна близ улицы Гуанабара в квартале, который носил поэтическое имя «Ларанжейрас», что означает «Апельсиновая плантация». Впоследствии она была куплена, и на том самом месте разместился и находится до сих пор стадион этого клуба.

Там же 16 июня 1903 года состоялся и первый в истории Рио футбольный матч с платными билетами.

Вслед за Оскаром Кохом и его друзьями в футбол потянулись другие энтузиасты, появились новые команды. В гребных и крикет-клубах стали зарождаться футбольные секции. И 8 июля 1905 года в Рио была создана городская футбольная лига, которая в следующем году организовала первый чемпионат Рио-де-Жанейро. В нем приняли участие шесть команд. Матчи прошли в два круга, и чемпионом стал, естественно, «Флуминенсе», проигравший всего один матч из десяти, забивший 52 и пропустивший только 6 голов. Показатель, согласитесь, отличный! И потому сохраним для истории имена тех первых чемпионов Рио, добившихся столь блистательного успеха: «голкипер» Ватерман, «бэки» – Витор Этчегарай и Алмонд, «хавбэки» – Портела, Бучан и Гулден, «форварды» – Освальдо Гомес, Орасио Коста Сантос, Эдвин Кох, Эмилио Этчегарай и Феликс Фриас.

Только по-английски...

Я не случайно сохранил тогдашнее, то есть британское наименование игровых ролей. В те времена и еще лет десять спустя на футбольных полях Бразилии просто неприлично было говорить по-португальски. Даже между собой игроки общались на языке родоначальников этого великого спорта. Футбол, напомним еще раз, был тогда экзотическим и далеким от основной массы населения страны занятием.

Кстати, когда начали проводиться регулярные чемпионаты, и обязательным, предъявляемым к каждому участнику требованием стала его собственноручная роспись в протоколе матча, некоторые из «малых» клубов, где начинали приобщаться к диковинной заморской игре уже не студенты и аспиранты, а простые сыны земли бразильской, вынуждены были завести специальных преподавателей для обучения игроков... нет не грамоте, не умению читать и писать, а способности начертать свою фамилию или имя в протоколе.

И чтобы упростить им эту задачу, иногда приходилось менять слишком длинную фамилию (состоящую иной раз из четырех-пяти слов) на что-нибудь более простое. Чтобы легче было запомнить, как это слово «нарисовать». Так скромный мулат Паскоал Чинелли стал именоваться «Силва». Всего пять букв. Запомни и рисуй...

Во «Флуминенсе» таких педагогов никогда не заводили. В них не было нужды: «Флу» всегда был, да и до сих пор остается самым элитарным, самым недоступным для простых смертных клубом.

Эти его традиции легко прочитываются в облике и укладе жизни штаб-квартиры, размещающейся под главной трибуной стадиона, построенного еще к южноамериканскому чемпионату 1919 года.

Побывал я в нем в ноябре 1996 года. По его салонам водил меня бывший вице-президент «Флу» и один из его «Benemeritos» – «Заслуженных ветеранов» (есть такая привилегированная категория для самых отличившихся и старейших членов клуба) сеньор Жозе Бернардо Бишукер. Он делал это с гордостью за славную историю своего «Флу» и с горечью за надвигавшуюся тогда трагедию, в неизбежность которой никто не хотел верить.

Мы вошли в клуб через парадный подъезд по улице Алваро Шавес, 41, к которому в начале века подкатывали экипажи и кабриолеты, потом, в 20-е годы, дымящие «Испано-Сюизы» и «Даймлер-Бенцы», затем – бесшумные и бездымные «роллс-ройсы» и «мерседесы» с самыми сиятельными из «бенемеритос» и самыми почетными из именитых гостей старейшего футбольного клуба Рио.

Мраморная парадная лестница ведет в холл первого этажа. Налево – зал для банкетов и ресторан. Направо – библиотека и музей. Выше – салон для балов. Паркет потрясающего рисунка. Запах воска, которым он натерт до блеска. Витражи, почти как в парижском Нотр-Дам. Хоры, на которых в дни балов и торжественных церемоний располагается оркестр.

Мы помолчали благоговейно, и я представил себе эти балы: барышни в кринолинах или вечерних платьях с оголенными плечами, на которых поблескивают и переливаются миллионные кольца или бусы с бриллиантами и изумрудами, кавалеры в смокингах или фраках, офицеры в парадных мундирах, скользящие с подносами официанты.

А библиотека?! Боже, вот это библиотека! Она вызывает почтение одним только своим видом: близ входа – этажерки с газетными подшивками и книгами по истории клуба, где бросаются в глаза многотомные сочинения главного летописца «Флу» Пауло Коэльо Нето.

Весь громадный салон устлан толстыми коврами, заглушающими шаги. В центре – длинный стол, за который можно посадить сразу три футбольные команды, если бы, конечно, у кого-либо из футболистов когда-нибудь возникло желание раскрыть хотя бы один из фоллиантов, покоящихся в шкафах из красно-темной жакаранды.

Присмотревшись сквозь мерцающие в свете неярких люстр стекла к кожаным корешкам, видишь, что такая литература сделала бы честь самому именитому академическому учреждению любой столицы мира. Тут тебе и «Леон Толстой», и полный Бальзак, и Дюма, и собрания многих других виднейших светил мировой литературы.

Пройдя через читальный зал, в следующем салоне мы оказались в музее: опять же самом шикарном и богатом из всех спортивных музеев Бразилии! В сравнительно небольшом зале под вывешенными у потолка портретами всех президентов клуба – шкафы и этажерки с пятью тысячами (!) кубков, чаш, статуэток и иных призов, завоеванных спортсменами «Флу». Самая крупная из которых – «Чаша Гардано» высотой 2,15 метра, за первый победный «трикампеонат» Рио в 1936–1938 годах.

Да, были люди в наше время

На одной из стен – изящный серо-болотного цвета диплом в памяти о чемпионате по плаванию, выигранном «Флуминенсе» в середине тридцатых годов. Лица славных победителей заключены в овал, напоминающий очертания рыбы. В самом центре – медальный в «три четверти» портрет очень знакомого молодого лица. Кто – понять невозможно. До тех пор, пока хитро улыбающийся Жозе Бернардо не сообщает, что это самый знаменитый из «бенемеритос» и почетный президент «Флуминенсе» сеньор Жоан (Жоао) Авеланж, бывший президент ФИФА, который тоже считает себя «триколором» – «трехцветным», как именуются адепты этого клуба, цветами которого являются красный, белый и зеленый.

Среди них – почти вся политическая и артистическая элита Рио: виднейшие журналисты, политики, банкиры, предприниматели. Композитор Чико Буарке де Олланда, телезвезда (и бывшая возлюбленная Роналдиньо) Сюзанна Вернер, писатели Диас Гомес и Миллор Фернандес, экс-президент страны Жоан Фигейредо, один из самых богатых людей Бразилии банкир Антонио Карлос де Алмейда Брага. Старейший болельщик страны (в январе 1997 года ему исполнилось сто лет), журналист, политик, бывший депутат и губернатор Барбоза Лима Собриньо – «трехцветный» с 1921 года.

Но вместе с этими людьми, представляющими, так сказать, визитную карточку великосветского Рио, среди торседоров «Флу» масса и простого люда из низов. Почему-то так исторически сложилось, что этот самый элитарный из бразильских клубов всегда имел и большую простонародную торсиду. Как уже говорилось, на заре футбола негры и мулаты, еще не имевшие доступа в «настоящие» команды, куда охотнее болели за «Флу», чем за зарождавшиеся на рабочих окраинах «свои», казалось бы, клубы: «Бангу», «Андараи», «Мангейру».

Ну, а каковы же были успехи «Флу» на футбольных полях? О них ветераны клуба говорят с такой же гордостью и волнением, с какой наши ветераны вспоминают Сталинград, танковую битву у Прохоровки и штурм Берлина. И не надо упрекать автора в кощунстве! У каждого народа – свои святыни, свое прочтение истории и свои красные дни в календаре.

Так вот: «Флуминенсе» – это самый титулованный на сегодняшний день из клубов Рио. Он выиграл, правда, всего лишь один чемпионат страны в 1984 году, но помимо этого насчитывает две победы в турнирах Рио – Сан-Паулу (1957 и 1960), один титул (1970) в национальном турнире Роберто Гомес Педроза (предшественник национального чемпионата). И 28 раз (больше любого другого клуба этого штата) завоевывал звание чемпиона Рио-де-Жанейро.

В первых турнирах первой декады XX века «Флу» безоговорочно доминировал в Рио, выиграл большинство чемпионатов и имел только одного достойного соперника – «Ботафого». Но в 1912 году в клубе произошел первый серьезный кризис: из основного состава футбольной команды ушли девять (!) титуларов. И, что оказалось для «Флу» самым неприятным, перебежчики надели красно-черные футболки «Фламенго», который после этого драматического раскола на улице Гуанабара обрел возмутительную, с точки зрения «трехцветных», популярность и стал самым главным их соперником на футбольных полях.

В своей истории «Флу» изведаль несколько особенно ярких взлетов. «Трикампеонат» 1917–1919 годов, например. Причем, что особенно приятно для «триколорес», третий из этих турниров был выигран в решающем матче у «Фламенго» в присутствии президента республики Эпитасио Пессоа. Эта победа была отмечена и запомнилась навечно поклонникам «Флу» блистательным подвигом легендарного вратаря «трехцветных» Маркоса де Мендонсы.

На 8-й минуте матча в его ворота был назначен весьма сомнительный (как убеждены до сих пор все «триколорес») пенальти. Адемар Мартинс, лучший, ни разу до того не ошибавшийся пенальтист «Фламенго», пробил сильно и точно, но Маркос отбил мяч.

Защита «Флу» зазевалась, и потому набежавший форвард «Фламенго» Сидней получил благодатную возможность с лета добить этот мяч. Он направил его в ворота Маркоса, но успевший с какой-то кошачьей ловкостью вскочить на ноги вратарь отразил и этот удар! Отбил его перед лицом смолкнувших в ужасе трибун и застывших в растерянности своих товарищей по команде.

И снова зазевались защитники «Флу»! И опять отлетевший от Маркоса мяч оказался в ногах соперника: на сей раз неудачливого пенальтиста Адемара Мартинса, который, вложив в замах всю свою силу и помножив ее на ярость после нереализованного пенальти, еще раз ударил по воротам Маркоса.

Но тот вновь оказался победителем в этой невероятной дуэли. И взял мяч намертво!

После такого подвига своего вратаря не выиграть у соперников «Флу» просто не мог, не имел права.

И он выиграл этот поединок более чем убедительно: 4:0!

Бразильские футбольные летописцы, в частности, самый известный из болельщиков «Флу» знаменитый драматург Нельсон Родригес, зафиксировали сцены эйфории, потрясшие Рио после этой победы. Торжественное дефиле по футбольному полю оркестра морских пехотинцев, чуть было не смытого наводнившими стадион в Ларанжейрас толпами восторженных торседорес. Вратарь Маркос, вынесенный на руках, торжественный салют победителям из установленной на горе над стадионом пушки. Карнавальные безумства на улицах с серпантинном и хлопушками, визгом труб, грохотом барабанов и тамбуринов и тысячами взлетающих в небо соломенных Шляп...

Так завершился шестнадцатый поединок этих команд. Впоследствии встречи «Фламенго» и «Флуминенсе» стали называться кратко и афористично: «Фла» – «Флу». Столь забавное имя дал этому футбольному соперничеству страстный болельщик «Фла», крупнейший футбольный журналист этой страны периода сороковых-пятидесятых годов, автор множества потрясающе интересных книг и статей о футболе, Марио Фильо, чьим именем, кстати сказать, был даже назван стадион «Маракана».

Довольно быстро «Фла» – «Флу» превратились в самое жаркое дерби, в интереснейший элемент жизни Рио, вылились в самую упорную в бразильском футболе, самую непримиримую, напоенную страстью, слезами и восторгами дуэль команд и торсид. Именно это никогда не затухающее соперничество сыграло заметную и весьма значительную роль в бурной футбольной истории крупнейшей латиноамериканской страны.

Примерное равенство сил обеих команд всегда предопределяло жесткую и непримиримую борьбу, невзирая на позиции, занимавшиеся этими клубами в турнирных таблицах, на конкретное, всегда меняющееся соотношение их сил, наличие звезд в их рядах и на прочие факторы. Это всегда была борьба равных соперников, каждый из которых постоянно стремится доказать свое превосходство, свое могущество, свой авторитет.

Некоторые из «Фла» – «Флу» стали легендарными, навсегда вошли в историю, им посвящены страницы книг и восторженные рассказы ветеранов. Чего стоил хотя бы первый поединок этих команд, сыгранный 7 июля 1912 года. В тот день, лишившийся, как уже было сказано, девяти игроков «основы», и не просто титуларов, а чемпионов прошлого, 1911 года, которые теперь вышли на поле в составе «Фламенго» против своего родного клуба, «Флуминенсе» совершил невозможное. Его вчерашние запасные игроки вышли на поле с таким яростным азартом, с таким горячим желанием «наказать этих предателей», что уверенные в своем неизмеримом превосходстве бывшие чемпионы, надевшие красно-черные футболки «Менго», оказались поверженными – 2:3.

Вот имена героев «Флу», совершивших тот великий, как считают летописцы клуба, спортивный подвиг: Лапорт, Бело и Майя; Леал, Мютцембекер и Пернамбуко; Бартоломео, Освальдо, Берман, Е. Калверт и Ж. Калверт.

Или уже упомянутый поединок за звание чемпиона Рио 1919 года. Или вошедший в историю под именем «Фла» – «Флу на озере» поединок, решивший судьбу чемпионата Рио 1941 года. «Флуминенсе» выигрывал 2:0, но упустил инициативу, растерял силы, «Менго» усилиями своего тогда знаменитого бомбардира Силвио Пирило сумел отыграть оба мяча, но для завоевания титула ему была необходима только победа, тогда как «трехцветным» достаточно было ничьей.

И они начали тянуть время. Поскольку матч проходил на стадионе «Фламенго» на Гавеа – близ озера в южной зоне Рио, игроки «Флу», получая мяч, стали со страшной силой отбивать его в аут. Да так, что он улетал в озеро. Расчет был не только на выигрыш во времени, но и на неизбежное угасание наступательного порыва соперников.

Расчет оказался верным. Хотя «Фла» в ответ срочно отмотобилизовал своих гребцов, которые на лодках начали дежурить у берега, чтобы побыстрее подхватывать выбитый в воду мяч и возвращать его в поле, но в конце концов игра таки закончилась вничью. И чемпионом 1941 года стал «Флу».

Шел, между прочим, ноябрь 1941 года, в разгаре была Вторая мировая война, немцы уже оккупировали всю Европу и стояли у стен Москвы, но эти страсти никак не отразились на футбольных бурях в Бразилии и вообще на жизни этой страны. Если, конечно, не считать того факта, что в августе мрачного сорок первого года бразильское правительство издало указ, предложивший всем спортивным и иным организациям страны, имевшим названия и имена стран, связанных с Германией и ее союзниками, срочно провести переименование. (Кстати, именно тогда один из самых старейших и популярнейших клубов Сан-Паулу «Палестра Италия», родившийся в августе 1914 года в недрах многочисленной итальянской колонии, вынужден был поменять свое название и стал с тех пор «Палмейрасом».)

Восемьдесят восьмой «Фла» – «Флу»

...Мне довелось видеть множество «Фла» – «Флу». Никогда не забуду невыносимо острый по накалу страстей поединок, состоявшийся 15 июня 1969 года. Старожилы «Мараканы» утверждают, что этот матч был единственным в своем роде. Непревзойденным. Небывалым...

«Фла» – «Флу»! Матч «Фламенго» и «Флуминенсе» – извечных соперников, более полувека оспаривающих первенство Рио-де-Жанейро. Вечный спор, никогда никем не решенный...

15 июня 1969 года. Город просыпается и начинает готовиться к матчу. Издалека – из соседних городов и рабочих предместий Рио – выезжают автобусы и грузовики с болельщиками, торопящимися занять места на архибанкаде. Радиостанция «Глобо» через каждые десять-пятнадцать минут объявляет: «Через 9 часов 47 минут начнется «матч-классико», который будет транслировать лучшая в мире бригада спортивных репортеров, возглавляемая лучшим «радиалистом» Валдиром Амаралом. Вы получите такое же впечатление от нашего репортажа, как если бы вы находились у кромки футбольного поля! Смотрите «Фла» – «Флу», слушая радио «Глобо»!!

В окнах домов, в автобусах, на тротуарах – всюду тысячи флагов: красно-черные знамена «Фламенго» и трехцветные – красно-зелено-белые – «Флуминенсе». С каждым часом, приближающим начало матча, движение в городе все больше и больше сосредоточивается в одном направлении – «Маракана». До матча еще два часа, но репортеры «Глобо», «Насиональ», «Континенталь» и других радиостанций, захлебываясь от восторга, сообщают радиослушателям о беспрецедентной пробке, медленно, но верно вспухающей на подступах к стадиону. Напоминают о печально знаменитых пробках во время великих матчей: 16 июля 1950 года – трагический финал первенства мира или матч «Фла» – «Флу» 1963 года, поставивший «рекорд публики»; 177 656 человек уплатили в тот день за билеты. И тысяч двадцать-тридцать прошли бесплатно... Или ноябрьский матч 1968 года, когда после трехлетнего перерыва на «Маракане» появился «воскресший» Гарринча...

Я еду на матч уже целый час, и с каждым метром машина движется все медленнее и медленнее. Сплошная многокилометровая лента автобусов, «Фольксвагенов», «Виллисов», мотороллеров растянулась от авениды Рио-Бранко до «Мараканы». Машины не едут и даже не ползут. Они стоят, изредка проталкиваясь на пять-семь метров вперед. Раздраженно гудят моторы, дым клубами подымается над площадью Бандейра, над которой с визгом пролетают электропоезда.

В одном из вагонов съезжился на площадке Зе да Силва – каменщик из дальнего пригорода Кампо-Гранде. Он знает, что «Менго» победит, но тревога все же точит, словно червь, его сердце... Глухо стучит барабан в соседнем вагоне, переговариваются колеса. Зе едет смотреть свой «Менго», как любовно называют «Фламенго» болельщики.

Рядом с моим автомобилем целая колонна набитых до отказа «Фольксвагенов» с развешивающимися из окошек трехцветными стягами.

Это так называемый «Молодой Флу» – группа артистов, певцов, журналистов, поклоняющихся флагу «Флуминенсе». Они обгоняют плетущихся по тротуару мулатов со стягами «Фламенго» в руках. Раздается обоюдный свист и улюлюканье: разминка голосовых связок накануне главной, решающей битвы, которая развернется на трибуне. До ворот стадиона остается метров двести. Это значит около двадцати минут «езды». Невозмутимые контролеры тщательно проверяют документы и пропуска.

Матч начинается через час, а команды давно в раздевалках. Репортеры радиостанций взволнованно сообщают о том, что знаменитый идол торсиды «Фламенго» аргентинец Довал

прошел врачебный осмотр и допущен к игре. «Глобо» объявляет, что группа торседорес «Менго» ведет переговоры с президентом стадиона (в Бразилии почти каждый начальник или шеф именуется президентом: так оно как-то посolidнее, не правда ли?) о том, чтобы был разрешен вынос на поле главного знамени «Фламенго». В судейской комнате знаменитый Армандо Маркес – бразильский арбитр № 1 – облачается в свою изящную форму из черного шелка. Около него в почтительно-выжидающей позе стоит массажист Зезиньо. «Фла» и «Флу» в своих раздевалках заканчивают облачаться в доспехи, а массажист «Флу» Сантана, присев на корточки у края футбольного поля, сосредоточенно творит обряд «макумбы»: черненький Сантана взывает к духам своих африканских предков с просьбой прийти на помощь в этот трудный для любимого «Флу» час.

Моя машина наконец-то вползает на забитую до отказа стоянку для прессы, гостей и дипломатов. Холл первого этажа – прохладный и длинный – забит выющимися к лифтам очередями. Вертятся турникеты, контролеры отрывают талоны. Лифт бесшумно скользит вверх, раздвигается дверь, и в лицо ударяет волна грохота, света, красок: дверь лифта открывается прямо на самый верхний ярус «Мараканы», и весь стадион – у ваших ног. 200 тысяч людей, спрессованных, страдающих, ревуших, размахивающих флагами, скандирующих лозунги. Где-то слева, утопая в красно-черном океане флагов «Менго», сидит, кусая губы, Зе да Силва, готовя свою ракету, которую он запустит в тот момент, когда «Менго» будет выходить на поле из тоннеля (вторую ракету он запустит в тот момент, когда его «Менго» забьет гол, а на третью ракету – чтобы ознаменовать победный финал матча – у Зе не хватило денег). Где-то справа сидят ребята из «Молодого Флу». Обе торсиды расположились на противоположных сторонах архибанкады – гигантского кольца трибуны, опоясывающей футбольное поле: так легче избежать кровопролития в тот момент, когда страсти начнут накаляться...

Армандо Маркес закончил массаж и отходит в угол маленькой судейской комнаты. Он выполняет свой традиционный ритуал: зажигает две свечи и приступает к молитве, заткнув уши руками от нестерпимого рева торсиды. Армандо просит всевышнего помочь ему выполнить свой долг: отсудить благополучно этот матч, который будет ой каким нелегким! Всевышний, правда, далеко не всегда отвечает на эти призывы: однажды Армандо позволил себе удалить с поля Пеле. Это произошло в Сантосе, и бедному Армандо пришлось провести два часа в осажденной разъяренной торсидой раздевалке. Впрочем, не стоит сейчас вспоминать об этом! Тогда на стадионе присутствовало сколько? Тысяч двадцать зрителей? Двадцать пять от силы. А сейчас – двести...

«Маракана» ахает и раздражается первой канонадой: на футбольном поле появляется знамя «Фламенго». Его несут около сорока человек, потому что площадь флага – 210, прописью: двести десять квадратных метров! Слева, там, где сидит торсида «Фламенго», взвиваются ракеты, а справа яростно скандируют: «Кло-у-на-да! Кло-у-на-да!» Это «Флу».

Нарастает нервный грохот «батарей» (так называются оркестры торсид). Если это можно назвать оркестром – скопище барабанов, тамбуринов, атабакес, сурдос и тарелок, которые издают грохот, разрывающий барабанные перепонки.

И вот наконец настал великий момент: из тоннеля показываются игроки «Фламенго»...

Нет никакой возможности описать вихрь безумия, шквал восторгов, грохот петард и барабанов, вспышки ракет, рев плоток, свирепствующий слева от трибуны прессы: там расположилась торсида «красно-черных». Где-то в этом вулкане взорвалась маленькая ракета Зе. Он чуть было не пустил сгоряча и другую, но вовремя сдержался: надо быть бережливым!

Затем выходит «Флуминенсе», и волна безумия перемещается на правую сторону архибанкады. Но «Флу» имеет свой собственный обычай, свою традицию: вместе с ракетами, листовками в воздух взлетают десятки тысяч мешочков с рисовой пудрой, которая повисает над торсидой сплошной пеленой тумана. «Пудра из риса! Пудра из риса!» – ликующе вопит торсида...

Густой туман пудры полностью окутывает всю правую половину архибанкады. А ведь полиция, пытаясь воспрепятствовать этому, отобрала у «трехцветных» семьсот килограммов пудры! (Впоследствии она была распределена между обитательницами женских тюрем города.)

Размеренный голос диктора читает составы команд, и после каждого имени – взрывы восторга. А на поле в это время происходит вавилонское столпотворение: вместе с двумя командами выбежали, во-первых, несколько детишек, одетых в форму клубов. Это нечто вроде живых амулетов, приносящих счастье, то есть победу. Во-вторых, несколько девиц, готовящихся оспаривать через две недели звание «мисс Рио-де-Жанейро». Они полагают, что фотография в газете рядом с каким-нибудь из кумиров торсиды повысит их шансы в конкурсе... В-третьих, на поле выползают фотографы, репортеры, а также десятки людей без определенных занятий, считающих себя вправе толкаться посредине футбольного поля, мешать судье проводить жеребьевку, игрокам – разминаться, фотографам – щелкать затворами камер, а кандидаткам в «мисс» – демонстрировать свои ослепительные прелести.

В десятый раз репортеры по радио повторяют составы команд, напоминают статистику побед и поражений каждого клуба. Над архибанкадой кружится маленький самолет, сыплющий листовки с рекламой каких-то телевизоров. За стабилизатором самолета болтается призыв страховать свою жизнь в агентстве «Нитерой», которое никогда не спорит, а платит за все, что бы с вами ни случилось.

Занимают свои места шесть мальчишек, одетых в синие тренировочные костюмы: мальчишки будут подавать мячи и еще получают за это счастье (подумать только – видеть в двух-трех шагах от себя Флавио! Довала! Самароне!) по окончании матча по шесть крузейро. Команды располагаются друг против друга, игроки занимают позиции, судья смотрит на секундомер, двести тысяч душ сжимаются на мгновение в комочек, двести тысяч сердец замирают и... звучит свисток. Судейская сирена возвещает начало восемьдесят восьмого «Фла» – «Флу»!

Первые мгновения матча идут при несмолкающем реве трибун и грохоте петард, затем шум стихает, но скрытое напряжение и волнение торсид прорывается в острые моменты. Удар «трехцветного» Флавио по воротам «Фламенго»! Рев торсиды «Флу» и суровое молчание на противоположной стороне архибанкады. Вратарь «красно-черных» Домингес взвизгивается, берет мяч, но неожиданно роняет его, чудом не упуская в сетку... Оглушительный свист «трехцветных». Однако в следующую секунду безумствует уже торсида «Менго»: «красно-черный» аргентинец Довал проходит по правому краю, подает в центр, и Арилсон резко бьет в нижний угол ворот. Вратарь «Флу» и сборной страны Феликс отбивает мяч на угловой.

Постепенно выявляется преимущество «Флуминенсе». И на поле, и на трибунах. Ветеран Домингес, защищавший некогда ворота сборной Испании и мадридского «Реала», сегодня явно не в форме. Столько раз он выручал «Фламенго» в трудные минуты, вселяя своей уверенностью и хладнокровием спокойствие в сердца «красно-черных». Сейчас его не узнать: он дважды отбивает легкие мячи на ногу противников. Тяжелое молчание повисло над торсидой «Фламенго», предчувствующей недобрую развязку. А болельщики «Флу» безумствуют, скандируя нечто вроде: «Раз-два-три! Фламенгисты – слабаки!...»

На 11-й минуте матча сильно пробитый издали мяч летит прямо на Домингеса. Он наклоняется, чтобы надежно принять мяч на живот – «упаковать», как говорят бразильцы, но коварная «бола» отскакивает от его колена (или груди, отсюда, с трибуны, этого не заметишь) прямо на ногу нападающему «трехцветных» Лула. Он обводит Домингеса, делает прострел, и набежавший с правого фланга Уилтон посылает мяч в сетку ворот, умудрившись не промазать почти с лицевой линии. 1:0!

Говорят, что для того, чтобы понять душу бразильца, нужно увидеть его в момент, когда в сетку футбольных ворот влетает мяч. Правая сторона архибанкады взрывается смерчем восторга. Новые пакеты рисовой пудры взвиваются над торсидой, новые ракеты, новые петарды грохочут с такой интенсивностью, как будто их завозили на архибанкаду на многотонных грузовиках. А левая сторона стадиона безмолвствует, охваченная горем... На трибуне прессы «красно-черные» и «трехцветные» не разделены барьерами и полицейскими кордонами. Справа от меня сидит, закрыв лицо руками, корреспондент «Жорнал до Бразил» – болельщик «Фламенго», чуть выше страдает его товарищ по несчастью драматург Диас Гомес. Слева бушует группа «трехцветных»; они размахивают флажками и поют гимн «Флуминенсе». Среди них, недовольно озираясь, строчит что-то в блокнот спортивный редактор «Ултима ора» Жасинто де Тормес; еще вчера он в одной из своих «хроник» возмущался тем, что на трибуне прессы слишком много посторонних! Действительно, здесь можно увидеть кого угодно: отставных депутатов и артисток ночных кабаков, содержанок и генеральских сынков, жокеев с ипподрома и королей подпольной лотереи, чиновников губернаторской канцелярии и героев сентиментальных теленовелл...

А матч продолжается. И какой матч! «Фламенго» не возьмешь голыми руками! «Менго» не сдастся без боя. «Красно-черные» идут в атаку, и левая сторона архибанкады оживает, заглушая дружным свистом скандируемый «трехцветными» призыв: «Еще гол! Еще гол!» Сжавшись в комок, сидит Зе да Силва. Он молится истерично и требовательно: «Господи! Сделай так, чтобы Домингес успокоился, а этот проклятый Лула сломал себе ногу!.. Господи! Пусть Гальярдо промахнется, а наш Дионизио выйдет один на один с вратарем. Я знаю, Дионизио забьет, только помоги ему, господи, освободи его от этого бандита, преступника Гальярдо! Сделай так, чтобы Гальярдо оступися. Господи, ты слышишь меня? Если ты сделаешь это, я поставлю большую свечу и буду ползти на коленях от ворот «Мараканы» до платформы поезда!..»

А в эфире безумствуют репортеры. Большинство радиостанций Рио (а их в этом городе восемнадцать) транслирует матч. Каждая станция ведет репортаж целой бригадой: три человека работают в кабине – один ведет репортаж, второй комментирует время от времени ход игры, тактику команд, дает оценку игрокам, а третий анализирует и комментирует работу судьи и помощников. Помимо них, за воротами обеих команд имеется еще по одному репортеру, связанному прямым проводом со студией и комментирующему острые моменты у ворот. Вдоль лицевых линий расположились еще несколько «радиалистов», помогающих своим коллегам в кабине: если на поле возникнет драка, кто-то будет удален или заменен, они немедленно включаются в репортаж... Есть и специальные репортеры с портативными передатчиками, расположившиеся в иных стратегических точках стадиона: на трибунах, в подсобных помещениях, раздевалках. Поэтому в течение всего матча на радиослушателя обрушивается шквал информации не только футбольной, но и кулуарной: «В медицинский департамент только что доставлена женщина – торседора «Фламенго» с острым приступом сердечной недостаточности...», «Финансовый департамент сообщает, что после проверки выручки, представленной десятью кассами, сумма сбора достигла шестисот тысяч крузейро. Окончательный результат будет сообщен через несколько минут – после подсчета выручки в двух остальных кассах...», «Ограждавший подступы к воротам отряд полиции вынужден был пустить в ход дубинки...», «Департамент транзита сообщает, что у автомашин, оставленных владельцами в неположенных местах, будут в качестве наказания спущены баллоны»...

На 35-й минуте первого тайма все станции, ведущие репортаж, взрываются единым протяжным, трагическим (для одних) и ликующим (для других) воплем: «Го-о-о-о-ол!!! Го-ол «красно-черных»! Гол «Менго»! Ли-ми-нья! Футболка номер во-о-семь!» После этого комментаторы уступают эфир тем самым репортерам, что сидят за воротами «Флу», в непо-

средственной близости от безутешного Феликса. Они начинают лихорадочно сообщать в эфир подробности победной комбинации «Фламенго»: «Довал! Пройдя по правому краю! Неожиданно откинул мяч Дионизио! Тот выдал его Лиминье! И Лиминья! Развернувшись! Приняв мяч на грудь! Размахнувшись! Не давая мячу опуститься на землю! С правой ноги! Послал «сухим листом»! В левый от Феликса угол ворот!.. 1:1!!! Гол «Фламенго»!

В этот момент Зе да Силва пускает свою вторую ракету. Ради этой минуты он живет долгую неделю. Ради этого мига трясется он каждое утро в электричке с кастрюлькой фасоли под мышкой, торопясь на работу. Ради этого мига счастья молча страдает Зе всю свою жизнь, слушая тяжелые вздохи вечно беременной Лурдес, терпя слезы дочери Риты, которой без пары туфель нет никакой возможности отыскать себе жениха... В этот момент Зе да Силва счастлив! Он гордится своим «Менго», он рыдает и поет вместе со ста пятьюдесятью тысячами «красно-черных» великий гимн клуба: «Один раз «Фламенго» – на всю жизнь «Фламенго»! «Фламенго» до самой смерти!»

Но игра еще далеко не окончена. «Флу» бросается в атаку. Герой «трехцветных» Флавио – первый бомбардир чемпионата – откидывает мяч головой набегающему Клаудио, который проскакивает мимо растерявшегося Домингеса и влетает вместе с мячом в сетку ворот. И тут происходит трагедия, повергающая «красно-черную» торсиду в состояние нервного шока: Домингес, окончательно потеряв голову, устремляется в центр поля за судьей и, угрожающе жестикулируя, кричит: «Офсайд! Вы не должны засчитывать этот гол! Вы подсуживаете «Флуминенсе»!» О, такое обвинение нельзя бросать в лицо Армандо Маркесу! Энергичным жестом правой руки он показывает Домингесу: «С поля!» Растерянные игроки «Фламенго» бросаются к судье: «За что? Почему? Он больше не будет!.. Нельзя выгонять с поля в таком матче!..» Трибуны неистовствуют, футбольное поле наводняют репортеры, фотографы, полиция, запасные игроки. Кажется, еще мгновение – и начнется грандиозная драка. Вроде той, что вспыхнула в апреле 1969 года в матче Перу – Бразилия, когда сорок пять минут потребовалось на наведение порядка и утихомиривание страстей. Нет, все кончается благополучно. Домингеса уводят, тренер «Фламенго» заменяет левого крайнего запасным вратарем Сиднеем, матч продолжается. 2:1 в пользу «Флу». И вскоре свисток Армандо возвещает об окончании первого тайма.

В перерыве торсида «Флу» продолжает ликовать, а слева воцаряется гробовое молчание: там страдают торседорес «Фламенго». Над архибанкадой «трехцветных» подымается громадный шар из легкой ткани, внутри которого установлена площадка с маслом. Площадка горит, теплый воздух наполняет баллон, который подымается в воздух и медленно летит над стадионом, сопровождаемый радостным ревом «трехцветных». Когда шар пролетает над трибуной «Фламенго», десятки ракет взвиваются, стремясь ударить, ужалить, пронзить его. Они взрываются рядом, но не поражают его. Шар подымается в небо, словно предвещающая торжество «Флу». А в это время комментаторы анализируют по радио ход первого тайма и приходят к единодушному выводу, что судьба «Фламенго» решена и победа «трехцветных» должна выразиться в преимуществе примерно в два-три гола.

Начинается второй тайм. И происходит что-то невероятное: «Менго», бедное «Менго», играющее вдесятером, бросается в атаку! «Флу» прижато к воротам, мячи летят со всех сторон, Феликс демонстрирует такие чудеса, что сидящий на трибуне прессы тренер сборной Жоан Салданья обводит соседей гордым взглядом. Он оказался прав: последние два месяца почти все газеты кричали о том, что Феликс утратил форму и напрасно, мол, Салданья доверяет ему ворота сборной.

Кажется, что не «Фламенго», а «Флуминенсе» играет вдесятером. Ожившая торсида «красно-черных» скандирует: «Мен-го! Мен-го!», «трехцветные» поднимают свист, гремят «батарей». «Менго» погибает, но не сдается! «Менго» идет в атаку! И кажется, всевышний внял мольбам Зе да Силвы и десятков тысяч других мулатов, негров, креолов... Кажется,

что их страсть и надежда заражают футболистов. С отчаянием смертников, с безрассудной отвагой безумцев, которым нечего терять, Фио, Довал, Дионизио, Пауло, Энрике и их товарищи рвутся к воротам «Флу». «Боги футбола улыбались в этот вечер», – писал впоследствии лирик футбола Жасинто де Тормес. Боги улыбались героям: после высокой передачи Мурило, навесившего мяч с правого фланга, взлетел над штрафной «трехцветных» Дионизио и послал ударом головы пушечный, неберущийся мяч в верхний угол ворот Феликса...

И тут настал конец света! Не будем описывать безумие восторга, охватившее торсиду «Менго», слезы радости, каскад ракет и вулканический призыв: «Еще гол! Еще гол!»

И над улицами города взвились ракеты, а в окнах показались красно-черные знамена, радостно засигналили автомашины... «Плачу за всех!» – вскричал фальцетом беззубый Зе Карлос – хозяин маленького бара в фавеле «Мангейра». Заплакала от счастья мулатка Элза Соарес – блистательная «звезда» телевизионных шоу и карнавальных батов. И где-то на самой последней, самой высокой улочке в карабкающейся на гору фавеле «Святая вода» выскочил из бара «Пивная кружка» бандит, за которым три года безуспешно охотится полиция Рио, и открыл на радостях огонь из своих пистолетов...

Но всему бывает конец. «Флу» переломил игру. Их все-таки было одиннадцать против десяти! И у них был Теле – спокойный тренер, которому из тоннеля был виден не только энтузиазм «красно-черных», не только их самоубийственная отвага, но и дырки в их защите, устремившейся за победой, которая, казалось, близка... Теле выпустил на поле полузащитника Самароне – опытного парня, который умеет держать мяч и хорошо видит поле. И началась агония «красно-черных». Начался медленный, но неотвратимый штурм «Флу»... Штурм, завершившийся выстрелом Флавио, поразившим ворота молодого Сиднея в нижний угол. Это был «выстрел жалости», как сказал Жасинто де Тормес. Выстрел, который покончил с бессмысленными страданиями смертельно раненного «Менго»... И Зе да Силва понял, что не ползти ему сегодня на коленях от «Мараканы» до платформы электрички.

Оставалось еще одиннадцать минут игры. Одиннадцать минут, отделявших «Флуминенсе» от титула чемпиона. И за три минуты до конца матча, когда вечерние сумерки мягко опустились на серый бетон «Мараканы», замолкла «батарея» «Менго». Еще дрались Довал и Фио, еще рвался в атаку Родригес Нето, пытаясь застать врасплох вратаря «Флу» Феликса, еще подавались подряд два или три угловых у ворот «трехцветных», а на темной архибанкаде «Менго» вспыхнули костры. Это горели красно-черные флаги «Фла»... И искры взмывали вверх, к звездам. Искры несбывшихся надежд улетали в небо, где, как сказал Жасинто, боги футбола улыбались. Флаги горели не в знак протеста или осуждения, как это бывает иногда, – флаги горели в знак траура. И печали...

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Одна из самых славных страниц истории «Флу» приходится на вторую половину 30-х годов, когда под натиском «черных» талантов, с приходом сотен потрясающих футболистов из фавел бразильский футбол обрел после долгих споров, сомнений, острых дискуссий и разногласий профессиональный статус.

Начало этой новой эры ознаменовалось вспышкой энергии «Флу»: он стал чемпионом в 1936–1938-м, затем в 1940–1941 годах. Потом настал черед «Фламенго» и «Васко», их преимущество было столь весомым, что даже обладая весьма сильным в начале пятидесятых годов составом: Кастильо, Диди, Орландо, Пинейро, Теле Сантана, «Флу» – не смог перехватить у них пальму первенства в футболе Рио.

Следующий славный этап «Флу» приходится уже на 70-е годы. Это было поколение выдающихся мастеров: Феликс, Гальярдо, Денилсон, Марко Антонио, Кафурина, Лула, Самароне... И сегодня сердце каждого «триколора» сладостно замирает при упоминании этих имен, создавших клубу его великую славу.

Последний высокий взлет «Флу» пришелся на середину 80-х. Здесь был еще один выигранный «трикампеонат» Рио (1983–1985) и единственное пока звание чемпиона Бразилии, завоеванное в 1984 году. После этого начинается то, что в авиации именуется «глиссада снижения».

Правда, еще одна вспышка, еще одно нервное биение уже больного сердца случилось в 1995 году. Тогда «Флу» стал чемпионом Рио, причем добился этого титула в решающем поединке со своим вечным соперником «Фламенго», обыграв его 25 июня со счетом 3:2.

Во второй половине того года «Флу» очень неплохо выступил в национальном чемпионате, пробившись в полуфинал этого важнейшего турнира года! И здесь по сумме двух матчей он проиграл «Сантосу».

Причем как проиграл! Первый матч в Рио был выигран трехцветными 4:1. Город ликовал. Все «триколорес» чувствовали себя именинниками, принимали поздравления и с превосходством поглядывали на болельщиков «Фламенго» и «Васко», которые не пробились в финальный турнир.

Особую радость торсиде «Флу» (исходя из общеизвестного для болельщиков правила: «Мало того, что твоя команда добилась успеха. Для полного счастья обязательно нужен провал твоего соперника!») доставил тот факт, что «Фламенго» в том году оказался в итоговой таблице на постыдном 21-м месте. И это в год своего столетнего юбилея! Да и «Васко» тоже выступил не намного лучше: занял лишь 20-е место! Только «Ботафого» держался тогда молодцом: он тоже вышел в полуфинал, геройски бился с «Крузейро», и «трехцветные» уже начали прикидывать свои шансы в сенсационном матче за звание чемпиона страны между родным клубом и «Ботафого».

Увы, недолго музыка играла, и через три дня наступило тяжелое «похмелье»: в ответном матче «Флу» проиграл «Сантислам» 2:5! И выбыл из турнира, хотя и гарантировал себе не такое уж плохое четвертое место.

А затем настал драматический сезон 1996 года, в конце которого «Флу» оказался в хвосте турнирной таблицы чемпионата страны и... впервые в своей истории вылетел во второй дивизион.

Нет повести печальнее на свете...

Начался он, как это уже стало традицией, чемпионатом штата. В этом турнире «Флу» выглядел более или менее достойно. В первом круге «трехцветные» оказались на третьем месте (из двенадцати участников), а во втором – на четвертом. Однако уже здесь, несмотря на эти далеко не провальные результаты, можно было заметить очевидную слабость «Флу» в атаке и неуверенность в оборонительных действиях: среди четырех ведущих клубов Рио «трехцветные» забили наименьшее количество голов: 37 в 22 матчах, а пропустили больше своих главных соперников (26 мячей).

Во второй половине года начался национальный чемпионат, вылившийся в настоящую, никогда ранее не переживавшуюся трагедию для «Флу».

В первом туре «Флу» на своем поле выиграл у «Брагантино» со скромным счетом 1:0. Потом была ничья с «Ботафого» (1:1), а затем начался провал: два поражения, ничья и еще два поражения подряд. В восьмом туре была одержана наконец победа, причем над сильным соперником «Интернасионалем» (2:1), но к этому времени «Флу» занимал 21-е место (из 24 участников) при соотношении мячей 8:16.

Затем скольжение вниз продолжилось: после четырнадцати туров «Флу» по-прежнему завис на 21-м месте с 13 очками, после девятнадцати игр опустился на 22-ю строчку (16 очков), после двадцати оказался на последнем месте с теми же 16 очками.

К этому моменту ситуация в команде достигла критической точки. Торсида бушевала, директорат раздирался сомнениями, спорами и противоречиями, игроки, которым уже четыре месяца не выплачивали зарплату, пребывали в состоянии уныния, пресса буквально разрывала в клочья и команду, и чиновников «Флу».

Не ругал «трехцветных» в эти дни только ленивый. Пишущие и вещающие с телеэкранов и в радиоэфире комментаторы соревновались в накале критики. Поклонники других клубов издевались, журналисты, болеющие за «Флу», тоже не жалели критических стрел. И было за что. Команда просто поражала слабостью игры во всех звеньях. Перед каждым очередным поединком история повторялась: взволнованный монолог тренера, призывающий своих парней «погибнуть, но не сдаться», «отдать все силы», «умереть на поле»! И вслед за этим – либо бесцветная ничья, либо очередное поражение. Такого кошмарно-катастрофического сезона в истории «Флу» еще не было. Никогда!

Как писал после провала в двадцатом туре, отбросившем «Флу» на последнюю строчку в турнирной таблице, футбольный обозреватель газеты «О Глобо» Фернандо Калазанс, «по крайней мере, одно качество было заметно в этой команде на протяжении всего матча: дерзость. Все время подталкиваемые тренером Ренато Гаучо игроки выкладывались из всех сил. Но футбол, между прочим, строится не только из мужества, беготни, пота и борьбы. Нужно еще уметь играть. А «Флуминенсе», как мы уже знаем, слишком слабенькая команда».

Издевательские слова! Тем более что сказаны они были в адрес клуба, который в прошлом сезоне, всего год с небольшим назад стал чемпионом Рио и пробился в полуфинал национального чемпионата.

Но в том-то и дело, что год назад это еще была КОМАНДА, хотя и не первоклассная, но отличавшаяся вразумительным рисунком игры, элементарным пониманием своих возможностей и умением более или менее правильно рассчитывать свои силы. Теперь же торсида видела беспомощную, распадающуюся от матча к матчу... нет, не команду, а группу игроков, которых пытался сплотить, организовать, отвести от края пропасти их молодой тренер Ренато Гаучо, еще вчера игравший в составе «Флу».

Ренато из Рио-Гранде

Ренато – родом из Рио-Гранде и потому является «гаучо», как зовут себя выходцы из этого края. «Гаучо» может считаться воплощением и олицетворением всех человеческих достоинств: это рыцарь без страха и упрека, человек, готовый умереть за правое дело, мужественный и щедрый душой боец. Именно так и смотрелся на поле Женато, который давно уже получил почетную приставку «Гаучо», фигурирующую и в судейских протоколах, и в репортерских отчетах, и в восторженном скандировании трибун. Он был взят во «Флу» в январе 1995 года, и сразу же без ложной скромности с уверенностью, присущей истинному гаучо, заявил: «Я пришел, чтобы стать чемпионом!»

И он имел право на эту браваду: в свои 33 года завоевал уже более чем достаточно титулов и званий: был чемпионом штатов Рио-Гранде (с «Гремио»), Минас-Жерайс (с «Крузейро»), чемпионом Бразилии (с «Фламенго»), обладателем Кубка страны (с «Фламенго»), Суперкубка Бразилии (с «Крузейро»), Кубка Либертадорес (с «Гремио»), Межконтинентального кубка (с «Гремио») и Кубка Америки – со сборной Бразилии, за которую сыграл до 1995 года 42 матча и забил 5 голов! Естественно, даже не будучи «триколором» ни по рождению, ни по биографии, он сразу же стал общепризнанным лидером команды, кумиром для молодых игроков, идиолом ее торсиды.

Итак, пообещав стать чемпионом, он действительно выполнил свое намерение всего полгода спустя. Энергичный, стремительный, обладающий прекрасным видением и пониманием игры, безоговорочным и общепризнанным авторитетом, Ренато в 32 года для «Флуминенсе» сыграл такую же роль непререкаемого лидера и авторитета, какую в свое время играли в «Ботафого» Диди, во «Фламенго» Зико, в «Сантосе» Зито.

Но продолжалась эта идиллия, увы, недолго: в 1996 году Ренато уже не выходил на поле. Он был тяжело травмирован, а после того, как в седьмом туре «Флу» потерпел разгромное (1:5) поражение от «Палмейраса», тренер «трехцветных» Жорже Виэйра был изгнан, и исполнение тренерских обязанностей было возложено на Ренато Гаучо. В первом матче в этой роли ему повезло: был обыгран сильный «Интер» (2:1), однако затем «Флу» проиграл подряд два поединка. Причем если первое поражение от одного из сильнейших в стране клуба «Крузейро» со счетом 0:2 еще можно было как-то понять, то унижительный и постыдный разгром от весьма средненькой команды «Спорт» (Ресифе) окончательно показал глубину пропасти, в которую свалилась «Флу», эта беспомощная, слабая, разваливающаяся в клочья команда.

Стало ясно, что в таком составе ее не спасли бы ни Флавио Коста, ни Жоан Салданья, ни Загало, ни Карлос Альберто Паррейра.

318-й «Фла» – «Флу»

И вся остальная часть сезона, все последующие тринадцать матчей превратились для «Флуминенсе» и для Ренато Гаучо в тринадцать кругов ада, в скольжение в бездну, отмеченное истерическими попытками уйти с последних мест, грозящих падением во вторую лигу.

Говоря «истерическими», я не преувеличиваю. Достаточно вспомнить 318-й «Фла» – «Флу», сыгранный в 21-м туре 17 ноября. Он решал многое. И не только для «флу», бывшего за выживание. Ведь к этому моменту и «Фламенго» сохранял еще зыбкую надежду войти в восьмерку сильнейших, которая должна будет разыграть звание чемпиона страны. И потому тоже нуждался в каждом очке.

Теоретически это была ситуация, всегда гарантировавшая отличную публику на трибунах, но на сей раз огорчение и расстройство торсид неудачными боевыми кампаниями обеих команд были столь велики, что, несмотря на «судьбоносность» поединка и повышенное внимание к матчу во всей стране, на двухсоттысячных трибунах «Мараканы» собралось всего около семи тысяч болельщиков! Кажется, ни один из всех предыдущих 317 «Фла» – «Флу» не был оскорблен такой крошечной торсидой!

Я побывал на этом матче и, скажу вам, никогда еще за тридцать с лишним лет моего «общения» с «Мараканой» не припомню столь удручающего зрелища: практически пустые громадные секторы архибанкады (так называются трибуны второго яруса), где билеты сравнительно дешевы (в то время – всего 10 долларов) и где всегда размещается основная масса болельщиков.

Весь матч тренер «Флу» Ренато Гаучо в белой рубашке с галстуком и светлых джинсах провел на ногах, не отходя от кромки поля. И казалось, что он был там, на поле, со своими ребятами. Он почти не кричал на игроков, не суетился, не угрожал им всеми земными и небесными карами, что присуще подавляющему большинству тренеров, вынужденных наблюдать, как идет ко дну их дружина. Но какая-то пронзительная боль ощущалась этой фигуре: он видел, он чувствовал, что его парни не могут противостоять натиску «красно-черных». И ничем не мог им помочь!

Из множества «Фла» – «Флу», которые мне довелось посмотреть, это был, пожалуй, самый незатейливый по сюжету поединок. Преимущество «Фламенго» обозначилось с самого начала, и ни у кого ни на минуту не возникало сомнений в неминуемом поражении «трехцветных».

Играя по схеме 4–1–3–2, они с первых же минут матча показали беспомощность своих центральных защитников – медлительных и нерешительных Лимы и Сезаря, явно уступавших техничным форвардам «красно-черных» Савио и Марко-Аурелио. (Этот последний был в ударе и забил два гола. Еще один стал результатом блестящего рывка Савио.)

Полностью провалил свою миссию игравший перед защитниками оттянутый игрок средней зоны «трехцветных» Амарилдо (тезка того великого Амарилдо из «Ботафого», прославившегося на чемпионате мира 1962 года), который должен был встречать Савио на дальних подступах к штрафной и не справился с этой задачей. После перерыва Ренато заменил его.

Тройка полузащитников «Флу» как-то беззубо, без борьбы уступила соперникам контроль за средней зоной. Лишенные поддержки с тыла, не получавшие острых передач Валдеир и Леонардо без толку болтались на половине поля «Фла». Валдеир сделал, правда, несколько стремительных, но бестолковых рывков, в которых со своим бесплодным старанием даже опережал мяч. А Леонардо вообще ничем не проявил себя.

Короче говоря, и в этом матче «Флу» опять не смог мобилизовать себя, не сумел достойно сыграть, не попытался противопоставить сопернику ничего, кроме стихийного

навала, беспомощной суеты и вспотевших в бесплодных трудах футболок. Вот когда пригодились бы герои прошлых сезонов: Аилтон, проданный в «Гремио», постоянный бомбардир «Флу» Эсио, беззаботно уступленный в начале сезона «Атлетико Минейро», и техничный полузащитник Джаир, так умело дирижировавший действиями «Флу» в том памятном победном матче против «Менго» в июне 1995 года, о котором я уже упомянул, а с начала 1996-го ушедший во «Фламенго». Да и сам 33-летний Ренато Гаучо наверняка оказался бы более полезным команде не рядом с боковой линией, а на поле, где он, возможно, попытался бы зажечь команду своим напором и энергией. Увы... Матч завершился со счетом 3:1 в пользу «Фламенго».

На следующий день на послеигровом сборе команды Ренато вдруг неожиданно для игроков и просочившихся на тренировку репортеров разрыдался во весь голос. И всхлипывая, вытирая слезы ладонью, он плакал минут десять, беспомощно прислонившись к ограде, отделяющей футбольное поле клуба от трибун. И притихшие, мрачные игроки сидели молча, в то время как тренер по физподготовке, отмахиваясь от фотографов, пытавшихся увековечить эту мелодраму, утешал наставника.

Потом, успокоившись, Ренато сказал, что еще не все потеряно, нужно лишь взять себя в руки, мобилизовать силы, которые еще остались. И может быть, даже чуть больше... Он твердил, что не может себе представить «Флу» уходящим в низшую лигу. «Еще не все потеряно! Еще можно побороться! – говорил он, обращаясь после тренировки к журналистам. – Мы добьемся своего, и если «Флу» не останется в первой лиге, я готов пройти голым по пляжу Ипанема, где живу...»

Кто ими командует

Для Ренато Гаучо победа в этой битве была не просто вопросом спортивной чести или личной гордости. Это становилось и проблемой его персонального благополучия в самом обыденном смысле слова: он был одним из кредиторов «Флу». Потому что уже четыре месяца клуб не платил ему (как и остальным игрокам) зарплату. И кроме того, «Флу» не рассчитался по контракту, на основе которого Ренато был сюда куплен. В общей сложности клуб был должен своему кумиру и идолу около миллиона долларов! И мало того, что, оправдывая гордое звание сына южных памп, Ренато не требовал этих долгов, но он, как истинный гаучо, из собственного кармана помогал некоторым совсем уж бедствующим служащим клуба. И даже подбрасывал время от времени собственных денежек бухгалтерии «Флу» при покупке некоторых игроков!

Естественно, что в случае, если клуб уйдет во вторую лигу, возможность получить эти долги из кассы клуба становилась пугающе малой. Ведь в этом случае «Флу» терял и спонсоров, и ежегодную двухмиллионную квоту за телетрансляции своих матчей. Словом, нужно было во что бы то ни стало избежать падения.

Именно в те дни я и побывал в штаб-квартире «Флуминенсе» на улице Алваро Шавес в Ларанжейрас, о чем шла речь выше. Помнится, когда мы с Жозе Бишукером входили в главный подъезд под центральной трибуной знаменитого стадиона, он, грустно покачав головой, обратил мое внимание на разбитые несколько дней назад разгневанной торсидой шикарные витражи сверху над подъездом.

В салонах клуба, в библиотеке, в ресторане царила атмосфера уныния и тоски. Члены правления отсутствовали, словно спасаясь от гнева рядовых членов этого старейшего футбольного сообщества, самых преданных футболу и «Флу» торсedorес.

Под их давлением именно в эти дни подал в отставку президент клуба Жил Карнейро де Мендонса, избранный на трехлетний срок менее года назад. (Кстати сказать, сын того знаменитого вратаря Маркоса де Мендонсы, героя двадцатых годов.)

В январе 1996 года, вступая на пост президента «Флу», Жил Карнейро заявил, что потрясен и изумлен картиной, которая открылась ему при первоначальном знакомстве с делами и бухгалтерией клуба. Среди основных ошибок прежнего руководства он отметил потерю ряда ведущих игроков, приобретение за явно завышенную цену весьма средненьких футболистов (например, защитника Лима, купленного за полмиллиона долларов у «Спорта» в Ресифе), нарастающий лавинообразно долг клуба кредиторам (более чем вдвое превышающий официально признанные шесть миллионов долларов).

Похоже, сеньор Жил не успел, а скорее всего, и не сумел найти выход из тупика. На следующий день после того, как в газете «Жорнал дос спорте» было напечатано его патетическое, расцвеченное мелодраматическими эмоциями заявление об отставке, в газеты водопадом хлынули комментарии в связи с этим добровольно-принудительным уходом. В них говорилось о некомпетентности, о хаосе, о беспомощности и самого президента, и людей, которых он избрал себе в помощники. Посредственность руководителей клуба как бы обуславливала и появление посредственностей на поле. Случайные люди, оказавшиеся с помощью интриг, подкупа голосов избирателей и иных махинаций на вершине правящей «Флу» бюрократической пирамиды, схватившись с вождельством за штурвал прославленного клуба, рулили, как бог на душу положит. А точнее, как скамандуют те, кто был готов дать клубу деньги.

Таких, впрочем, становилось все меньше и меньше. В конце концов отказалась от спонсорства «Флу» и такая мощная «кормилица», как корейская фирма «Хонда». (Между прочим, в Бразилии в то время ходили слухи, что она в свое время связалась с «Флу» только

по просьбе почетного президента и главного «патрона» этого клуба Жоао Авеланжа, дабы умаслить его перед предстоявшим в первом квартале 1996 года решением ФИФА об избрании то ли Японии, то ли Южной Кореи в качестве амфитриона чемпионата мира по футболу 2002 года.)

Словом, архаическая бюрократическая структура клуба, сложившаяся еще в начале XX века, стала корсетом, сковывающим растущий организм, уродующим его мышцы. Журналист Марио Нето подсчитал, что за последние десять лет картолы «Флу», как правило, не советуясь с тренерами, купили для клуба свыше 145 игроков. В большинстве своем сереньких, ничем не примечательных. Но из-за этого мощного потока серятины со стороны практически погибло, оказалось не востребуемым целое поколение юных футболистов, выросших в детских и юношеских командах «Флу».

Впрочем, «невостребованным» оно оказалось только для самого «Флу»: в 1990 году молодежь из «Флу» отправилась на поиски лучшей доли в сан-паулуский «Брагантино» и помогла этому заурядному клубу, только что с трудом выбравшемуся из второй лиги штата в первую, стать чемпионом Сан-Паулу! А на следующий год уже под руководством Карлоса Альберто Паррейры эти же ребята дошли в составе «Брагантино» даже до финала чемпионата страны, уступив его лишь в самом последнем матче грозному сопернику – «Сан-Паулу»!

Тогда же, сразу после только что описанного 318-го «Фла» – «Флу», я поинтересовался у старого поклонника «Флуминенсе» Карлоса Альберто Паррейры, в чем, на его взгляд, причины провала его клуба. Он был краток и безапелляционен: «Бездарное и беспомощное руководство». И тут же подчеркнул: «Имею в виду не тренеров, а картол».

На краю пропасти

...Потом, когда в предпоследнем туре был выигран (1:0) матч у «Жувентуде», надежда вновь забрезжила в сердцах «трехцветных». Газеты начали публиковать бесчисленные прогнозы и варианты спасения «Флу» от «деклассификации». Ведь теперь судьба команды зависела не только от ее победы в последнем туре. Нужно было, чтобы потерпел поражение или хотя бы сыграл вничью в своем последнем матче и кто-нибудь из двух других соперников, которым тоже грозило падение во вторую лигу: «Байя» и «Крисьума».

Шансы «Флуминенсе» казались вполне реальными, поскольку оба конкурента играли на чужих полях и не с самыми слабыми соперниками: «Крисьума» – с «Атлетико Паранаенсе», а «Байя» – с «Фламенго», причем на «Маракане», где вся торсида Рио теоретически должна была помогать своим... Друг Ренато Гаучо тренер «Фламенго» Жозель Сантана заявил, что его команда сделает все возможное, чтобы протянуть руку помощи.

– Мы обыграем «Байю»! – уверенно заявил он.

Увы, сумев забить в ворота «Фламенго» единственный гол этого поединка, «Байя» смогла гарантировать себе место на Олимпе. А во втором, так интересовавшем «Флу», матче «Крисьума» сошлась с «Атлетико Паранаенсе», которому место в восьмерке лучших и участие в «плей-оф» уже было гарантировано при любом исходе. Но тут получилась любопытная коллизия: у «атлетиканос» еще не погасли воспоминания о драке, которую торсида «Флу» учинила в матче против них три недели назад на стадионе «Ларанжейрас» в Рио.

Торсидой «трехцветных» был в тот день серьезно искалечен вратарь «Атлетико» Рикардо Пинто, отправленный в больницу с разбитой головой. И хотя президент клуба Жил Карнейро специально ездил в Куритибу с извинениями и даже навестил Рикардо Пинто в больнице, но... сознательно или нет, никто сказать не может, а «Атлетико» проиграл свою последнюю встречу «Крисьуме» и тем самым лишил «Флу» последней надежды.

И все. «Флуминенсе» выбыл из первой лиги. Такого позора, такого провала эта команда не знала никогда!

А дальше были проклятия и стоны, траур и протестующие демонстрации торсиды. И гневные комментарии прессы. Ренато Гаучо объявил, что выполнит свое обещание и прогуляется по Ипанеме в чем мать родила, имея в руках (чтобы слегка прикрыть наготу) лишь календарь игр «Флу» во втором дивизионе.

Тут же в стане поклонников «Флу» появились и прагматические «идеи»: а не подправить ли регламент национального чемпионата, как это уже случалось однажды? Было это в 1988 году, когда самый популярный клуб Сан-Паулу «Коринтианс» умудрился рухнуть до последнего, шестнадцатого места, но после напряженных закулисных махинаций в коридорах и салонах футбольных структур количество участников чемпионата в первом дивизионе на будущий год было увеличено до двадцати четырех, и среди них, естественно, оказался и падший «Коринтианс».

Еще в середине сезона, когда над «Флу» только начинала нависать угроза вылета, в газетах и телевизионных «круглых столах» данный прецедент вдруг начали довольно активно вспоминать и обсуждать. Все понимали, что тайные пружины подобных интриг приводились в движение анонимными радетелями «Флу». Однако президент Бразильской конфедерации футбола (КБФ) Рикардо Тейшейра вылил на интриганов ушат холодной воды: категорически отверг любые варианты увеличения численности первого дивизиона: «Там и 24 команд много. И потому не может идти и речи о его расширении! Наоборот, – сказал Тейшейра, – нужно идти к тому, чтобы в ближайшем будущем ограничить количество команд в первой лиге шестнадцатью. Пускай лучше небольшая группа действительно сильнейших клубов встречается друг с другом не по два, а по три раза».

Эту точку зрения приняли и одобрили практически все руководители клубов, вожди трибун и пресса.

Скандал в благородном семействе

Сразу же после того драматического воскресенья 30 ноября 1996 года, когда все встало на свои места и печальная судьба «Флуминенсе» определилась окончательно, группа самых влиятельных торседоров несчастного клуба разработала проект его спасения. Не будем вдаваться в его технические детали. Упомянем лишь, что была провозглашена главная цель: в предстоящем сезоне 1997 года клуб должен выступить достойно, вернуться в первый дивизион, а затем, уже в 1998 году, стать чемпионом Бразилии. Вот так. Ни больше ни меньше.

Для достижения этой цели был объявлен сбор средств среди самых состоятельных «трехцветных». Самые авторитетные «бенемеритос» клуба начали активно обсуждать приобретение нескольких звезд из мадридского «Реала». Это было поручено одному из крупнейших южноамериканских футбольных импресарио, уругвайцу Хуану Фиджеру, который распоряжается судьбами более трехсот одних только бразильских футболистов. Такие планы встретили одобрение торсиды.

Но... спустя несколько месяцев, в июне 1997 года, незадолго до открытия очередного национального чемпионата, КБФ вдруг взрывает бомбу: Рикардо Тейшейра объявляет о том, что директорат Конфедерации принял решение... увеличить численность клубов в первом дивизионе до 26! И включить в его состав вылетевших в прошлом году во второй дивизион «Атлетико» из Параны и «Флуминенсе»!

Что творилось в те дни в футбольном мире Бразилии, описать невозможно. Скандалы, истерика, анекдоты, разоблачающие статьи! Газеты печатали, а радиостанции передавали в эфир документальные фрагменты звукозаписей прежних интервью Рикардо Тейшейры, в которых он еще совсем недавно категорически утверждал: не может идти и речи о возвращении «Флуминенсе» в первый дивизион!

Журналисты гадали, что послужило причиной этого переворота в мыслях главного футбольного начальника страны? Видимо, интриги картол «Флуминенсе», которые, это всем известно, связаны теснейшими узами с печально знаменитым президентом рио-де-жанейрской футбольной федерации Эдуардо Вианой. Он, видимо, и «повлиял» на Рикардо Тейшейру.

Руководители остальных «грандов» выступили с протестами. Некоторые клубы даже обсуждали возможность бойкота национального чемпионата в знак категорического несогласия с этим вопиющим нарушением традиций и «честного слова». Но потом волна затихла.

В самом «Флуминенсе» решение КБФ вызвало, естественно, волну энтузиазма. Ренато Гаучо заявил, что теперь он избавлен от необходимости выйти на пляж Ипанему в костюме Адама. Торсида ликовала и строила планы гигантского отмщения всем обидчикам старейшего клуба Рио. Картолы поздравляли друг друга и давали ликующие интервью, в которых яркими мазками рисовалась оптимистическая картина скорейшего возрождения клуба. Грохотали на всю страну пропагандистские барабаны, пронзительно пели ликующие пиаровские фанфары и победно развевались трехцветные знамена «Флуминенсе».

Но... дальше случилось то, что не могло не случиться. Если бог действительно бразилец, как глубоко убеждены все граждане этой футбольной страны.

Порок наказан, добродетель торжествует

Буду краток: в сезоне 1997 года «Флу», играя в первом дивизионе, с оглушающим треском провалился снова. Выиграв из 24 матчей чемпионата всего четыре, проиграв десять и десять сведя вничью, команда заняла предпоследнее 25-е место и вновь была отправлена во второй дивизион! Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

И точка! Тут уже никто «трехцветным» помочь не мог...

А победителем чемпионата-1997 стал «Васко да Гама».

...Свой первый матч во втором дивизионе национального чемпионата 1998 года «Флу» должен был играть против скромной команды «АБС» из города Натал. В штабе «трехцветных», уже начавшем оправляться от позора, загорелись лучики оптимизма. Первый соперник, казалось, был оптимальным: команда ничем не прославленная. Типичный середнячок, путешествующий между вторым и третьим дивизионом, «АБС» идеально подходил на роль «мальчика для битья». Для «Флу» убедительная победа в первом же матче должна была стать первым твердым шагом, эдаким стартовым аккордом триумфального марша, целью которого было, естественно, возвращение в первый дивизион.

Такова была психологическая атмосфера в стане «трехцветных» накануне старта в национальном чемпионате. И тут нужно отдать должное их торсиде: она нервно, но с энтузиазмом, с пением гимна клуба, со статьями в прессе, с пассажами (демонстрациями) по улицам под знаменами «Флу» отмобилизовалась. Было решено: да, пускай нам не повезло! Но мы не из тех, кто бросает своих любимцев в трудную минуту! Мы поддержим свой клуб! Мы стимулируем их борьбу за возвращение в первый дивизион!

Именно по требованию торсиды «Флу» этот матч был назначен к проведению на «Маракане». Ни в коей мере не уверенная в коммерческом успехе этой авантюры, администрация стадиона пустила в продажу всего двадцать тысяч билетов. Но к воротам стадиона явились тридцать пять тысяч болельщиков «Флу»! И после того, как билеты в мгновение ока разлетелись, дирекция вынуждена была открыть ворота и уже бесплатно запускать на трибуны всех желающих!

На архибанкаде «Мараканы», окутанной традиционным туманом «рисовой пудры», царил нервный ажиотаж. Громадные транспаранты призывали к победе.

Колыхались трехцветные стяги.

Торсида была уверена: «Сегодня мы все делаем первый шаг на пути, который увенчается возвращением на Олимп!».

И что же? Матч был бездарно и бесславно проигран с постыдным счетом 0:3.

Невозможно описать гнев и разочарование торсиды «Флу».

Нельзя без восклицательных знаков и многоточий охарактеризовать моральное состояние игроков, надеявшихся на триумф и разгромленных столь унижительно.

Пресса откликнулась на провал взволнованными комментариями и призывами не опускать руки, не сдаваться.

«Флуминенсе» не может умереть!» – воскликнул самый авторитетный футбольный обозреватель газеты «Жорнал ду Бразил» (и старый болельщик не «Флу», а «Ботафого») Армандо Ногейра. И разразился взволнованным эссе: «Флуминенсе» не может, не имеет права умереть ради всего того, чем был отмечен путь этого славного и великого клуба: ради гола Адемира в суперчемпионате 1946 года, ради чудес, которые творил великий вратарь Карлос Кастильо, ради прозы, которую посвящал любимому клубу Козельо Нето, ради страсти, сквозившей в хрониках Нельсона Родригеса!

«Флу» не может, не имеет права погибнуть, потому что с этим клубом связаны юмор Сержио Порто, лиризм Одувальдо Гоцци (который, как никто, умел в своих репортажах

выразить гол любимого «Флуминенсе»), песни Чико Буарке, великое прошлое Теле Сантаны».

Не стану, впрочем, перечислять всего, что прозвучало в этом патетическом, вдохновенном гимне, написанном человеком, казалось бы, сторонним, но вместе с тем искренне заинтересованным в том, чтобы великий клуб оставался действительно великим, чтобы он нашел в себе силы вернуться в семью грандов.

...Свой второй матч «Флу» играл против еще более скромного клуба «Ювентус», который в прошлом году находился в третьем дивизионе. «Флу» умудрился проиграть и этот поединок: 0:1. Все, что было дальше, напоминало агонию. И конец агонии пришел в ноябре 1998 года: «Флу» оказался в конце турнирной таблицы ВТОРОГО ДИВИЗИОНА! И... был отправлен в третий!

Представьте себе на минуту, уважаемые читатели, московский «Спартак», играющий не в Премьер-лиге, а в чемпионате, скажем, Московской области с командами Гусь-Хрустальненского завода и сборной дачного поселка Жуковка!

А ведь в данном случае речь идет не о российском клубе. Речь идет о Бразилии!

Бразильская торсида неукротима в своих страстях. И очень жестока. Хорошо, если вчерашнего кумира просто ругают или проклинают. Не так уж страшно, если выяснение отношений ограничивается выбитыми стеклами в штаб-квартире клуба или побоищем на стадионе. Но иногда ведь дело доходит и до перестрелок. Воспламеняется торсида мгновенно. Поэтому путь футболиста или команды от звездной славы до проклятий и презрения очень короток. Два-три неудачных матча, пара забытых голов, «франго» («цыпленок»), пущенный вратарем между ног в ворота. И все...

Герой повержен, его прежние, может быть, даже вчерашние, подвиги забыты. Позор и тоска становятся его уделом. Отворачиваются от него те, кто два дня назад клялся в вечной дружбе, выпрашивал автограф и фотографировался, обняв за плечи. Кольцо врагов угрожающе сжимается. И выход из этой ситуации может быть только один: вновь наверх, на пьедестал почета, на вершину славы, на гребень волны.

Проблема, правда, в том, что обратный путь наверх бывает в тысячу раз труднее, мучительнее и болезненнее, чем падение в пропасть. Это как у любителей горнолыжного спорта: в гору карабкаешься долго и трудно, а вниз слетаешь за считанные мгновения.

Но если кто-то свалился под откос, оказался на дне и умудрился при этом выжить, то перед тобой встает труднейшая задача: попытаться снова встать на ноги и, залечив раны и переломы, опять начать восхождение к вершине.

Именно такая задача возникла в самом конце 1998 года перед «Флуминенсе». И решать ее было поручено специально приглашенному на пост тренера чемпиону мира Карлосу Альберто Паррейре, который привел с собой всю свою команду: администратора Америко Фария, доктора Лидио Толедо, тренера по физподготовке Мораси Сантану.

И нужно признать, новая авторитетная бригада засучила рукава и попыталась вдохнуть струю оптимизма в еле дышащий организм «Флу». Паррейра дал несколько успокоительных интервью, пообещал своим питомцам, руководству клуба и торсиде, что сделает все возможное.

И начальный же шаг на этом пути оказался провалом: свой первый матч в чемпионате третьего (!) дивизиона «Флу», играя в маленьком городке Нова Лима в штате Минас-Жерайс, опять проиграл более чем скромной местной команде «Вила Нова»! Это как если бы московский «Спартак» проиграл команде из какого-нибудь провинциального городка, скажем, Тосно... Подобное уже было по ту сторону добра и зла! За гранью! Хуже уже ничего не существовало, ниже падать было просто некуда, большего позора представить себе невозможно ни в горячечном бреде, ни в алкогольном психозе.

И психоз действительно случился. Дело в том, что вдохновленные заверениями Паррейры туда, в эту забытую богом и людьми Нову Лиму, за любимой командой отправились из Рио на этот матч более полутысячи болельщиков. И вот они присутствуют при этом позоре... Ноль – два!..

Вне себя от гнева и ярости торсида «Флу» учинила дикое побоище на стадионе Нова Лимы. На поле летело все, что можно было бросить, драки сначала начались на трибунах, потом выплеснулись на футбольное поле. Полиция выбежала вслед за обезумевшей торсидой. Полетели гранаты со слезоточивым газом. Раздались предупредительные выстрелы. Матч был прерван на 37-й минуте второго тайма. И так и не был доигран до конца!

После такого даже самые преданные клубу и команде торседоры должны были рвать на себе волосы, стреляться или уходить в монастырь.

Этот проигрыш, случившийся в тот момент, когда ожидался первый шаг к реанимации, к возрождению, к поиску обратного пути «наверх», вызвал эффект катарсиса. И потому после истерик, проклятий, клятв никогда в жизни не показываться больше на стадион, после речитативов ненормативной лексики и водопадов горячих слез началось покаяние, а затем произошло то, что и должно было рано или поздно произойти: дела стали налаживаться.

И в конце концов «Флуминенсе» вышел-таки на первое место в своем третьем дивизионе и завоевал право подняться во вторую лигу.

Теперь надо было там побороться за победу, чтобы вернуть себе право выступать в элитарной первой группе национального чемпионата вместе с «грандами». Эта задача была решена несколько иными путями и до удивления быстро: на будущий год в организации главного турнира страны произошел новый переворот. Поскольку он был в некотором роде «юбилейным», тридцатым по счету, решено было провести его с неслыханной доселе помпой: привлечь... 116 клубов! Из первого, второго и третьего дивизионов. Как говорится, гулять так гулять! Тут и бедному «Флу» нашлось место! Так состоялось его возвращение на Олимп.

И нужно сказать, что в этом юбилейном чемпионате «Флуминенсе» зарекомендовал себя очень прилично: уверенно держался в группе лидеров, временами даже лидировал. Но чемпионом стал «Васко да Гама».

* * *

Вот, собственно, и вся повесть о старейшем клубе Рио, о его былом величии, о прежних кумирах и идолах, о героях, которые устали играть, и картолах, которые не устают интриговать, о его взлетах к звездам, падении в пропасть и возвращении из нее. Надеюсь, читателю стала теперь более понятной и разница в понятиях «клуб» и «команда». Резюмируя, скажем, что «команда» – это те, кто играет в футбол, кто доставляет торсиде радость или горе, кто зарабатывает или теряет деньги и славу, честь и достоинство. А «клуб» – это история и традиции, это кучка прилипших к футболу чиновников, которых обычно называют в Бразилии «картолами». Они должны обеспечивать команде оптимальные условия для выступлений, но в большинстве случаев просто паразитируют на ней: на волне славы своих клубов делают политическую карьеру, избираются в парламент, в законодательные собрания штатов, пробиваются на другие выигрышные посты и должности. А часто зарабатывают капитал в самом прямом смысле этого слова. Делают на славе и престиже клуба деньги. И очень большие.

Замечу еще, что в 2002 году, отмечая свое столетие, «Флу» сумел завоевать первое место в своем штате – Рио-де-Жанейро. То есть повторил свое собственное достижение 1906 года, когда в Рио был проведен первый футбольный чемпионат.

И все же, все же... Столетие «Флу» стало печальным: клуб встретил его в ситуации жестокого кризиса: с долгом в 90 миллионов реалов (то есть около 30 миллионов долларов), забастовками игроков, много месяцев не получающих зарплаты, и полной неуверенностью в будущем. И потому торжества по случаю юбилея, наспех состряпанные картолами, больше походили на похороны дорогого друга, чем на праздник, который был бы достоин этого самого старого рио-де-жанейрского клуба.

Во втором десятилетии XXI в. великий клуб, казалось, восстал из пепла. «Флу» снова стал чемпионом штата, выиграл чемпионат Бразилии в 2010 и 2012 годах, а в 2011 занял третье место. Правда, в сезоне 2013 команда выбыла в Серию В, заняв лишь 17-е место.

Глава 3. Профессия – тренер

Нет пророка в своем отечестве...

Нет в Бразилии профессии более «опасной» и неблагодарной, чем футбольный тренер. Тем более тренер сборной. В стране, каждый гражданин которой считает себя авторитетнейшим футбольным специалистом, оценка работы спортивного наставника идет всегда по гамбургскому счету.

Одному из самых известных поклонников «Флуминенсе», завоевавшему со сборной командой страны звание чемпионов мира в 1994 году, Карлосу Альберто Паррейре долгое время принадлежала сомнительная честь быть самым отвергаемым, самым критикуемым, самым (мягко выражаясь) нелюбимым тренером из всех наставников национальной команды.

Никого из них никогда не подвергали такой жестокой критике, как Паррейру. Главное обвинение: он «изменил национальным традициям». Его команда «пошла на поводу у Европы». Его футбол «некрасив», потому что слишком «рационален», в нем нет традиционной для Бразилии легкости и магии. И так далее и тому подобное.

Все три года (1991 «Фла» – «Флу», 1994), пока Паррейра возглавлял сборную, эта критика нарастала, подобно тому, как изморось превращается в настоящий дождь, а потом – и в ливень. Она продолжалась и в ходе чемпионата мира 1994 года. Потом была эйфория победы, вулканическое извержение восторгов, водопады поздравлений. На некоторое время после победы пресса и торсида, футбольные картолы и коллеги-тренеры сменили гнев на милость. Но не «реабилитировали» его полностью.

Спустя всего год после победы команды Паррейры в США, 3 июня 1995 года в Бразилии были опубликованы итоги опроса общественного мнения. Причем весьма представительного: опросили 3047 человек в 256 городах и поселках всех 25 штатов страны. Один из вопросов был сформулирован так: «Если бы вам было поручено выбрать тренера для сборной Бразилии, кого бы вы назначили на этот пост?».

За Загало высказались 24 процента опрошенных. 20 отдали свои симпатии Пеле, который, замечу, никогда не высказывал ни малейшего желания заняться тренерской работой. 18 – Теле Сантане. И лишь 9 предпочли Карлоса Альберто Паррейру. Всего через год после завоевания «ТЕТРА» – четвертого чемпионата мира!

В ноябре того же, 1995 года я встретился с ним и беседовал около часа в его шикарном доме, расположенном в тщательно охраняемом, обнесенном высокой оградой квартале очень богатых вилл «Жардим Марапенди» в аристократическом районе Рио «Барра да Тижук», куда в последние годы начала переселяться из южных кварталов города самая элитная, точнее сказать, самая обеспеченная публика.

Мы сидели у бассейна под пальмами, на которых мягко покачивались гигантские кокосовые орехи. Карлос Альберто согласился на интервью без колебаний и отвел мне времени столько, сколько я пожелал. Он никуда не спешил: в очередной раз сидел без работы, спустя всего три месяца после приглашения на пост старшего тренера одного из самых популярных клубов этой страны «Сан-Паулу». Три месяца поработал, и... спасибо за услуги, будьте здоровы!

А дело было так: после шести туров с четырьмя победами «Сан-Паулу» возглавлял турнирную таблицу. К десятому туру – все с теми же четырьмя победами – оказался уже на 10-м месте. К тринадцатому – опустился на 11-е, к семнадцатому – на 17-е. После этого

Карлос Альберто Паррейра был уволен из «Сан-Паулу», вернулся в Рио, где и состоялась наша беседа.

Я по свету немало хаживал...

– Для начала вспомните, пожалуйста, основные вехи своего пути в футболе. Насколько мне помнится, вы – один из немногих тренеров, у которых за плечами не было солидной игровой футбольной практики, не так ли?

– Я получил спортивное образование в школе физвоспитания в Рио-де-Жанейро: закончил ее в 1966 году и был откомандирован в Гану, где в течение года работал тренером сборной команды этой страны. Затем три месяца учился в Германии в спортивной школе («Sportschule») в Ганновере, оттуда отправился в Англию, где проходил стажировку в профессиональных футбольных клубах «Челси» и «Тоттенхэм». Вернувшись в Бразилию, был приглашен в «Васко да Гама» на должность тренера по физической подготовке. Вскоре меня призвали на эту же роль и в сборную команду страны, которая готовилась к чемпионату мира в Мексике. Это было в 1970 году, в тот момент, когда на смену Жоану Салданье пришел новый старший тренер Загало. Как известно, мы завоевали тогда звание чемпионов.

После этого меня пригласили в клуб «Флуминенсе», тоже тренером по физподготовке, но время от времени приходилось подменять там и старших тренеров, в те моменты, когда их снимали. Знаете, как это иногда бывает: один уже ушел, ему на смену ищут другого, но работа должна продолжаться, команда не может простаивать, и в эти периоды я руководил футболистами.

– А в сборной вы тоже продолжали работать после завоевания «ТРИ»?

– Да, конечно, по совместительству я оставался и тренером сборной по физподготовке, мы продолжали сотрудничать с Загало, а перед чемпионатом мира 1974 года меня ввели в состав Технической комиссии (так назывался штаб по руководству сборной, который всегда создавался перед очередным мировым чемпионатом – *И.Ф.*) и поручили, как и раньше, отвечать за физические кондиции игроков.

– Значит, и провал на том чемпионате мира вы пережили вместе с Загало? Наверное, это был один из самых тяжелых моментов вашей биографии?

– Да. И не только для меня. Вся страна тогда жила ожиданием победы, все жаждали «ТЕТРА», все верили, что мы станем чемпионами в четвертый раз. Ведь удалось же сборной Бразилии победить дважды подряд: на чемпионатах 1958 и 1962 годов. Бразильцы надеялись, что этот подвиг будет повторен: после победного чемпионата 1970 года логически напрашивалась мысль о победе в 1974 году. Но вместо этого мы потерпели поражение, и нам пришлось ждать «ТЕТРА» почти четверть века.

– Но к нему все-таки сборную привели именно вы с Загало, правда, поменявшись местами.

– Да, но до этого был долгий путь. После поражения в 1974 году нас всех, естественно, из сборной убрали. Это традиция: проигравший должен уйти.

– И что было потом?

– Потом я продолжал работать во «Флуминенсе». До 1975 года. В 1976 году вместе с Загало и по его просьбе переехал с ним в Сан-Паулу, куда он был приглашен на работу в «Коринтианс». Но мы там пробыли недолго, меньше года, и в том же 1976 году оба отправились в Кувейт. Загало стал там тренером сборной, а я был при нем в роли «технического советника». Но через год он вернулся, а я там остался. В 1977–1978 годах руководил юношеской сборной Кувейта, в 1979-м был приглашен на должность старшего тренера сборной этой страны, и тут, как я считаю, фактически и начался мой путь в качестве футбольного тренера.

– Уже самостоятельно, без Загало?

– Да. Мы с ним оставались (и остаемся до сих пор) друзьями, но работать я стал самостоятельно именно тогда, в Кувейте. Причем я не был там неудачником: в 1979 году мы выиграли Кубок Азии, в 1980-м поехали на Олимпиаду в Москву, где в четвертьфинале проиграли команде СССР: 1:2. Для Кувейта дойти до олимпийского четвертьфинала – это был успех!

Затем в 1981-м мы успешно провели отборочные матчи перед чемпионатом мира в Испании. На том чемпионате попали в не самую легкую группу: Франция, Англия, Чехословакия и Кувейт. С одной ничьей (1:1, с Чехословакией) и двумя поражениями, естественно, не вышли из группы. На чем тот первый этап моей работы на Арабском Востоке был завершен, и в 1983 году я вернулся в Бразилию.

Первый блин, который комом...

– И сразу же получили сборную?

– Да, я руководил ею всего один год, хотя поначалу предполагалось, что доведу ее до чемпионата 1986 года.

(...Для справки замечу, что с точки зрения результативности тот первый «заход» Паррейры в роли старшего тренера в бразильскую сборную выглядит достаточно пристойно: под его руководством сборная провела 14 матчей, одержала пять побед, семь раз сыграла вничью и всего дважды проиграла. В любой другой стране этот баланс считался бы наверняка положительным. Но не в Бразилии... Драма Паррейры заключалась в том, что он принял команду от Теле Сантаны после очередной неудачи на чемпионате мира 1982 года. Та команда по единодушному мнению бразильцев была едва ли не самой техничной, отличаясь едва ли не самой красивой игрой, но... проиграла. Паррейро был обречен на обновление, на эксперименты, он просто обязан был искать какие-то новые пути, тем более что пришел-то он в сборную в момент смены поколений. И торсиде очень нелегко было расставаться с той прежней, ставшей почти легендарной и самой любимой командой. Любые попытки изменить что-либо в составе или манере игры сборной были обречены на критику и неприятие. В моем досье хранится отчет о ничейном матче (1:1) команды Паррейры в Кардиффе со сборной Уэльса 12 июня 1983 года. Спортивный обозреватель журнала «Маншете» Ней Бьянки не без ехидства писал тогда: «Не проиграть в Кардиффе – это почти подвиг. И наша новая сборная может этим гордиться... Не потому, что валлийцы стали вдруг новыми львами Британской империи. Ничего подобного. Просто Бразилия мало того что не умеет выигрывать, она умудряется сама себя загонять в самые критические ситуации. В частности в те моменты, когда соперники начинали поливать нашу штрафную душем навесов. Это – вечная проблема всех наших защитных линий... Матч в Кардиффе стал для нас фильмом ужасов. Правда, удалось все-таки спастись, хотя и ценой больших потерь. И теперь вывод: эта команда еще очень далека от той, что играла на чемпионате мира в Испании...»

Паррейра был изгнан из сборной после весьма бледного выступления сборной команды в Кубке Америки 1983 года, когда в решающих финальных матчах Бразилия уступила сначала 0:2 Уругваю в Монтевидео, а затем на глазах родной торсиды в Сальвадоре сыграла с уругвайцами вничью, упустив звание чемпиона. После этого матча трибуны скандировали: «Паррейру – вон!» – и вся спортивная пресса обрушилась на тренера с яростной критикой. Именно там и родилось представление о нем, как о «неудачнике». И этот жестокий и безапелляционный приговор жил, живет и, видимо, будет жить, пока живет сам он, Карлос Альберто Паррейра... Но вернемся к нашему разговору.)

– Итак, вы проработали в сборной всего один сезон?

– После чего снова вернулся во «Флуминенсе». И в 1984 году под моим руководством эта команда стала сначала чемпионом Рио, а затем и страны. А по окончании этого чемпионата я получил очень лестное предложение от Арабских Эмиратов, отправился в Дубай и пробыл там четыре года. Дважды мы становились вице-чемпионами Персидского залива, сумели выйти в финальный турнир чемпионата Азии. А в 1988 году меня пригласили тренировать сборную Саудовской Аравии, где я пробыл еще два года. С этой командой мы стали чемпионами Азии, выиграв почетное звание у Кореи.

Я было вернулся в Бразилию, но тут же получил приглашение от Арабских Эмиратов, тоже на национальную сборную, чтобы руководить их подготовкой к чемпионату мира 1990 года. К тому времени Загало ушел из этой команды, и они искали ему замену.

(Для справки: в финальную часть чемпионата мира 1990 года сборная ОАЭ пробилась уверенно, но на самом чемпионате сыграла неудачно, потерпев три поражения в группе. – *И. Ф.*)

И дым отечества нам сладок и приятен...

– И после этого была завершена ваша вторая «арабская» командировка?

– Да, я окончательно вернулся домой в 1991 году и стал тренером «Брагантино». Вместе с этой командой мы вышли в финальный турнир национального чемпионата.

(Тут требуется небольшое пояснение. «Брагантино» – это провинциальный клуб, основанный в небольшом городке Браганса Паулиста в штате Сан-Паулу в январе 1928 года. Его полное название: «Clube Atletico Bragantino». Он обычно играл в третьем или во втором дивизионе, лишь к концу восьмидесятых сумел закрепиться в первом дивизионе штата Сан-Паулу, где играют такие «гранды», как «Сантос», «Палмейрас», «Коринтианс». Мало того: в 1990 году «Брагантино» умудрился стать чемпионом этого штата, обойдя всех «грандов».)

В чемпионате страны высшим достижением «Брагантино» была победа во втором дивизионе в 1989 году, проложившая команде путь в высший дивизион. И премьера оказалась небезуспешной: для новичка восьмое место в финальной таблице национального чемпионата (из двадцати участников) вполне можно было считать неплохим. А в следующем сезоне к руководству командой пришел Паррейра, он-то и вывел «Брагантино» в классификационном турнире на второе место, что позволило скромному клубу участвовать в полуфиналах. Здесь «Брагантино» выбил «Флу», а выйдя в финал, тоже показал себя очень достойно: два финальных матча с «Сан Паулу», руководимом Теле Сантаной, были сыграны так: в столице штата 1:0 в пользу хозяев поля, ответный матч в Брагансе – 0:0. Чемпионом стал «Сан-Паулу», а вице-чемпионом – «Брагантино»... Это как если бы у нас серебряные медали в высшей лиге завоевала команда, допустим, города Коврова или Коломны. (Справедливо-сти ради замечу, что сенсационный успех «Брагантино» был в немалой степени обусловлен и тем, что Паррейра пригласил в том сезоне в состав этой команды двух игроков сборной страны и будущих чемпионов мира: Мауро Силву и Мазиньо.)

...Кстати, в сезоне 1996 года «Брагантино», заняв последнее место в первом дивизионе, опять опустился во второй.

– Итак, вы блистательно показали себя в «Брагантино»...

– И тут – в конце 1991 года – руководство Бразильской конфедерации футбола вновь пригласило меня в сборную страны, которую нужно было начинать готовить к чемпионату мира 1994 года. Подготовка прошла успешно: мы выиграли «ТЕТРА», после чего я отправился в Испанию, проработал один год в «Валенсии», затем один сезон в Турции, в «Фенербахче», который стал со мной в том сезоне чемпионом страны, затем вернулся в Бразилию, проработал три месяца в «Сан-Паулу», и на этом моя футбольная биография пока заканчивается, – сказал он с мягкой улыбкой, прекрасно зная, что мне хорошо известно о его изгнании из «Сан-Паулу» за несколько дней до нашей беседы.

...Многие рыдали, как дети

– Высшей точкой вашей карьеры стала, видимо, победа на чемпионате-1994, не так ли? А каким было самое жестокое разочарование, которое вы испытали?

– Разочарование?... Без них не обходится жизнь ни одного тренера. Пожалуй, это было в 1986 году, когда в отборочных играх чемпионата мира мне не удалось вывести в финальную часть команду Эмиратов. Дело было так. В первом матче мы проиграли сборной Ирака 1:2. Во втором, стало быть, нужно было выиграть 2:0. И мы вели в этом матче 2:0! Игра была в Саудовской Аравии, поскольку в Ираке в то время невозможно было играть из-за войны... Итак, мы ведем 2:0. Победа уже близка. Кажется, вот она, вот! Через минуту свистнет судья и...

Заметьте: в первом тайме один из наших игроков был удален с поля. И вдесятером ценой невероятного напряжения мы весь второй тайм удерживаем счет. Держим его до 46-й минуты. Именно до сорок шестой, когда пошло добавленное судьей время... К этому моменту страна уже поверила, что мы едем в Мексику. Народ уже праздновал победу, вышел на улицы! Ликовал! И на 46-й минуте мы пропускаем гол... На табло 2:1! Как в первом матче. Назначается дополнительное время, и тут все рухнуло: мы пропускаем в той получасовке еще два мяча, проигрываем 2:3, и лишаемся путевки на чемпионат, которая была у нас уже в руках!

...Даже сейчас не могу без волнения вспоминать, что было с командой после этого матча. Игроки упали на траву без сил, отказываясь верить в случившееся. Многие рыдали, как дети. Пожалуй, большего потрясения в моей жизни я не испытал.

– Ну а теперь давайте вернемся к высшей точке вашей биографии: победе на чемпионате-1994. Ваша работа там была превосходной. Команда выглядела удивительно сплоченной, причем не только на поле, но и за его пределами. Это признано всеми, даже самыми яростными вашими критиками и противниками, которых у вас всегда предостаточно. Как вы этого добились? Как вы сумели так здорово сплотить коллектив? Помнится, вплоть до финального матча следующего мирового чемпионата команда ваша продолжала выходить на матчи, взявшись за руки. Мы это видели и в августе 1997 года в Москве, когда бразильцы приехали к нам на товарищеский матч. Кажется, это единственный такой обряд в мировом футболе? У вас был какой-то особый план психологической подготовки? Кто-то выполнял в команде функции профессора Карвальяеса, того, что работал со сборной Феолы в 1958 году?

– Видите ли, тут сработала масса факторов. Начну с того, что у нас была все-таки достаточно опытная команда. Профессионалы. Если я в чем-то попал, как говорится, «в десятку», так это в том, что сделал особый упор в своей работе на самых опытных бойцов. Хотя после очередной неудачи на чемпионате-1990 в Италии многие из них, из выступавших в том чемпионате ветеранов, подверглись жестокой критике. Особенно те, кто играл в зарубежных клубах, такие как Дунга, Бебето, Мюллер, Бранко, Рикардо Роша. Их стали считать оторвавшимися от Родины и уже отыгравшими свое «наемниками». Проиграли чемпионат, ну, и пускай они там «в своих Европах» доживают свой век! Такое сложилось мнение...

И когда я призвал их в состав сборной, на меня обрушилась волна критики. Но я по опыту сборных, которые участвовали в чемпионатах 1970 и 1974 годов, прекрасно помнил, какое психологическое давление на любого игрока, даже на самого опытного мастера, ветерана оказывает сам факт его призыва в состав сборной. Это ведь означает высшую точку в его футбольной карьере! Такое событие неизбежно влечет за собой стресс, игрок оказывается объектом мощнейшего психологического давления. Особенно это стало проявляться в последние годы, перед чемпионатом-1994, когда вся Бразилия уже истосковалась, не видя побед на чемпионатах почти четверть века. Я предвидел, что психологическое напряжение

будет чрезвычайно сильным, и совладать с ним смогут в первую очередь самые опытные бойцы. И поэтому именно из них я смонтировал костяк команды, на который решил опереться. Тем более что у этих парней за плечами уже был опыт одного, а у некоторых и двух чемпионатов, они знали, чего стоит участие в таком состязании, как трудно выиграть Кубок мира, какого напряжения сил это стоило. У них был опыт поражения. А ведь это тоже бесценный опыт! И самое главное, снова вернувшись в сборную по моему призыву, они почувствовали, что это их последний шанс. Сейчас или никогда! Человек, поставленный перед таким выбором, способен на многое.

– Вы прямо-таки психолог!

– Кроме того, они прекрасно понимали, что раздор в команде обязательно приведет к поражению. Отсюда и их готовность сплотиться и сражаться до конца, биться, не жалея сил, забывая обо всем, в том числе и о деньгах, о премиях за победу. Это все – очень важно! Заметьте, у нас никто ни разу даже не заикнулся об оплате, о вознаграждении за победы, за выход на какой-то определенный этап турнира. Казалось, денежного вопроса для них не существовало. Все были нацелены только на победу и знали, что если она придет, будут и награды.

Хорошо темперированный клавир

– Вас постоянно упрекали и даже сейчас продолжают упрекать в том, что ваша команда не показывала, как считают ваши критики, по-настоящему красивой, «истинно бразильской» игры. Вы «европеизировали» команду, вы ее слишком сильно «заорганизовали», вы поставили во главу угла заботу об обороне! Что вы отвечаете на такого рода критику?

– Во-первых, мы не придерживались принципа «оборона прежде всего»! Многие здесь, в Бразилии, этого так и не поняли. Наша игра была не оборонительной, а хорошо организованной. У меня была четкая тактическая схема. С мячом или без мяча любой игрок наш пользовался полной свободой действий, возможностью импровизировать и искать интересные продолжения игры. Первая наша заповедь была проста: ни в коем случае не отбивать мяч без адреса, по принципу «вперед, а там разберемся!». Мы обязаны были всегда бороться за контроль над мячом, завладев им, беречь его, контролировать без спешки, не бросаясь в неподготовленные атаки. Наша задача была: держать мяч, терпеливо выжидая своего часа, создавая, созидая, наращивая тактический перевес, чтобы в нужный момент вдруг стремительно бросить одного из игроков в отрыв, вывести его точным пасом на ударную позицию.

И потом: ведь это была команда, которая имела на левом фланге Леонардо и Бранко, на правом – Жоржиньо. Команда, имевшая Бебето, Ромарио, Раи, Зиньо! И скажите на милость: разве такая команда может считаться «обороняющейся»? Нет, она была хорошо организованной командой, которая умела играть без мяча, что тоже очень важно, и что бразильцы умеют делать не всегда. Вы же видели наш футбол, и вы знаете: частенько можно наблюдать, как, потеряв мяч, какой-нибудь из наших «суперигроков» отключается, останавливается, успокаивается: он сделал свое дело, он теперь готов ждать, когда мяч снова придет к нему... Нет! Так играть нельзя! Я поставил себе задачу: приучить команду играть не только с мячом, но с не меньшей энергией и без мяча! Мне это удалось.

И еще. Чемпионат мира – это не чемпионат страны. «Атлетико» (Мадрид) стал чемпионом страны, даже проиграв в ходе чемпионата одиннадцать матчей! А чемпионат мира – это ведь всего семь игр! Там нет права на ошибку. Если ты ошибся один раз, отправляйся домой и жди снова четыре года! Отсюда наш главный лозунг: максимальная эффективность и ноль ошибок. Иначе мы вновь вернулись бы с пустыми руками, как возвращались с пяти предыдущих чемпионатов, даже играя в «красивый», традиционно «бразильский» футбол!

Инженеры человеческих душ

– А трудно ли было укротить холерический темперамент Ромарио? Как это вы не побоялись поставить его в одной связке с таким не похожим на него, дисциплинированным, выдержанным игроком, как Бебето? Неужели тут не было сомнений и риска с вашей стороны? Ведь, помнится, перед чемпионатом они не ладили друг с другом. Вы же знаете, что даже в вашем чартерном самолете при вылете в США Ромарио возмущался тем, что его персональное кресло оказалось рядом с креслом Бебето. И вдруг мы видим, как они играют рядом, играют удивительно слаженно, со стопроцентным взаимопониманием, и ничего похожего на трения, конфликт или разницу характеров не замечаем! Как же этого удалось добиться?

– Тут не было особых трудностей, поскольку мы заранее провели подготовительную работу. У нас для этого был специалист Эвандро Мота.

– Психолог?

– Нет, не совсем. Это был специалист по общению. Он провел пять бесед с командой, в ходе которых мы также подготовили специальный видеофильм, объяснявший важность создания и поддержания в коллективе атмосферы взаимопонимания, дисциплины и сплоченности. Интересы команды должны превалировать над личными интересами. Мы вложили все это в наших игроков, и у нас не было никаких проблем. Тем более что все очень хотели стать чемпионами мира. Уже в конце отборочных игр Ромарио прекрасно вписался в коллектив и по поведению ничем не отличался от остальных игроков. То есть на поле-то он, конечно, отличался. Это все-таки был Ромарио!

С помощью Эвандро Моты мы выработали такую нашу «философию коллектива»: «Футбол – это не самая главная вещь в твоей жизни. Есть вещи поважнее: семья, здоровье, благополучие. Причем благополучие и твое, и твоей семьи, и твоей страны... Но на эти 60 дней, на протяжении которых мы находились в США, футбол должен стать для каждого из нас самым главным делом нашей жизни!»

И это сработало. Эта формула, эта психологическая мотивация настроила всех нас на победу. Дело в том, что для бразильской команды не так уж трудно победить в каком-либо матче даже с очень сильным соперником. Гораздо труднее одержать победу за пределами футбольного поля. Я имею в виду: добиться сплочения, единения всех. Для этого полезно даже немного забыть о профессионализме и возродить древний дух любительства в высоком и чистом смысле этого слова: когда все помыслы нацелены на победу, и только на победу! Никаких склок и споров! Никаких дискуссий о том, кто выйдет на поле, а кто останется на скамейке. Ничего такого! На предыдущем чемпионате 1990 года в сборной Бразилии такие споры возникали, вы слышали об этом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.